

Александр Тарасов

МЕЖДУ ВУЛКАНАМИ И ПАРТИЗАНАМИ: НИКАРАГУАНСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Несчастный адмирал! Америка твоя,
юница чистая, с горячей кровью в жилах,
заветный перл мечты, – сама уж не своя,
в бреду, в конвульсиях и встать уже не в силах.

...

Бесправья, мятежей, сражений, бедствий шквал,
пути исхожены, надежды все изжиты,
о Христофор Колумб, несчастный адмирал,
молись, молись за мир, тобой для нас открытый!

Рубен Дарио, “Колумбу”

1. Фатальная ошибка янки

Эта история – история Сандинистской революции – началась, как это часто бывает, гораздо раньше, чем кажется. Не с первых боев, не с создания организации, даже не со дня рождения первых партизан-сандинистов. Началась она в далеком 1909 году, когда далеко на севере от Никарагуа, в Вашингтоне, в Белом доме, решили, что тогдашний никарагуанский президент генерал Хосе Сантос Селайя “слишком много себе позволяет” и “совсем отбилась от рук”.

Тут нужно некоторое пояснение. Генерал Селайя вовсе не был ни революционером, ни каким-то уж отъявленным националистом. Он был, как всем казалось, обычным латиноамериканским политиком, умеренно амбициозным, умеренно демагогичным, умеренно жадным. В Никарагуа у власти друг друга традиционно сменяли две партии – либеральная и консервативная. Селайя был как раз лидером либералов. Хотя либералы считались левее, а консерваторы – правее, но, как это часто бывает в странах с двухпартийной системой, со временем разница становилась все менее заметной. В Никарагуа различия между либералами и консерваторами и вовсе носили смешной характер: лидеры либералов происходили в основном из города Леон, а лидеры консерваторов – в основном из города Гранада. Говоря современным языком, это были две соперничающие мафии – “леонская мафия” и “гранадская”. “Лионские” назывались “либералами” потому, что Леон традиционно был центром торговой буржуазии, которая сама себя считала очень прогрессивной. А “гранадские” гордо именовали себя “консерваторами”, поскольку Гранада по традиции была центром местных крупных помещиков-латифундистов

и более чем консервативных католических священников. С годами, конечно, все перепуталось, и не раз какой-нибудь видный либерал, поругавшись со всеми в своей партии, переходил в консерваторы – и наоборот. И никого это не удивляло. А что? Вот у нас тоже коммунистический депутат Ковалев в один прекрасный день взял да и стал министром юстиции в правительстве злейшего врага коммунистов Ельцина. И, может быть, был бы министром до сих пор – если бы его не засняли на пленку в бане с голыми проститутками и солнцевскими авторитетами.

В общем, жизнь в Никарагуа была даже по-своему интересной. Когда на выборах побеждали либералы – они переносили столицу в Леон, а когда консерваторы – в Гранаду. Денег-то, денег сколько на это уходило! Правительственные служащие таскались из города в город. Одни за собой возили семьи, другие заводили по семье в каждой из столиц. А поскольку Никарагуа – страна католическая и полигамия в ней, мягко говоря, не поощряется, без конца возникали скандалы, происходили умопомрачительные семейные сцены – со стрельбой, самоубийствами и подсыланием наемных убийц к соперницам. Наемные убийцы (как сегодня сказали бы – киллеры) стали уважаемыми и нужными членами общества, представителями солидной профессии. Священники, злоупотребляя тайной исповеди, в массовом порядке шантажировали правительственных чиновников и политиков – многоженцев. Остроту ситуации придавало то, что на каждого несчастного многоженца приходилось обычно по два священника-шантажиста – один из Леона, другой из Гранады. Понятно, что для того, чтобы от этих кровососов откупаться, всем чиновникам приходилось брать взятки. И даже не брать, а вымогать. А поскольку больше всего денег было у североамериканцев, то янки вскоре скупили на корню и поголовно всех – и либералов, и консерваторов.

А так как взятка все-таки считалась уголовным преступлением, то в Никарагуа развилась такая национальная народная забава – уличить политического противника в коррупции. А потом, натурально, посадить. А как он сядет в тюрьму, к тюрьме, натурально, бежали с передачами сразу обе жены – и из Леона, и из Гранады. Тут начинался второй акт. Главное было застать обеих жен сразу. После этого возбуждалось дело о двоеженстве – и бедному сидельцу впаривали второй срок...

Кончилось все тем, что озверевшие либералы и консерваторы договорились о строительстве специальной новой столицы. На берегу красивейшего озера Манагуа заложили столицу с тем же названием, построили президентский дворец, министерства, здание парламента,

разбили у озера чудные парки – и дружно переехали в столицу. А священники в Леоне и в Гранаде кусали с досады локти.

Когда никарагуанцы избирали в 1893 году себе в президенты генерала Селайю, они и не подозревали, что за генералом числится один недопустимый для латиноамериканского военного грех – любовь к чтению. Читал генерал, правда, в основном жизнеописания разных великих людей – полководцев и государственных деятелей, но и этого хватило, чтобы в его простую армейскую голову запали некоторые явно лишние идеи.

Придя к власти, Селайя стал проводить идеи в жизнь. Во-первых, установил режим личной власти (как Наполеон). Во-вторых, отделил церковь от государства (как Робеспьер). А затем, решив, что теперь ему все можно, ввел всеобщее избирательное право (ну то есть раньше, чем в России!), принялся строить железные дороги, учреждать разные стипендии для талантливых студентов, закупать книги для национальной библиотеки и тому подобное. А поскольку все это требовало денег, то Селайе пришла в голову нелепая мысль заставить американские компании платить налоги. Янки к тому времени уже чувствовали себя в Никарагуа как дома – и даже лучше, чем дома. Самым богатым собственником в стране была “Юнайтед фрут компани”, почему Никарагуа и звали, естественно, “банановой республикой”.

Американцы, конечно, обиделись: что за дела, никогда не платили налогов, а тут – плати? Госсекретарь Нокс (тот самый, в честь которого назван знаменитый Форт-Нокс в штате Кентукки, где хранится золотой запас США) надавил на Селайю. Но Селайя был не лыком шит и связался с Англией и Японией, предложив им выгодно разместить капиталы в Никарагуа. А заодно Селайя занялся антиамериканской пропагандой – принялся растравлять незаживающую рану в сознании никарагуанцев, напоминая им об Уокере. А Билл Уокер – это просто красная тряпка, мулета для каждого никарагуанца. Этот Уокер, североамериканский авантюрист, в 1856 году с отрядом таких же, как он, уголовников, захватил в Никарагуа власть и провозгласил себя президентом. Уокер ввел в республике рабство и заявил, что будет добиваться присоединения страны к рабовладельческой Конфедерации южных штатов США. В качестве официального языка Уокер ввел английский и стал зазывать в Никарагуа из США всякий сброд, обещая приехавшим высокие должности, рабов, бесплатный земельный надел в 250 акров, а тем, кто приедет с женой, – 350 акров. И так бы, наверное, и сидел Уокер до конца жизни в президентском кресле к стыду всех никарагуанцев, если бы не решил вслед за Никарагуа покорить и другие центрально-американские

республики. Получилось наоборот. Объединенные армии центрально-американских государств Уокера разбили – и вернули пост президента Никарагуа никарагуанцу. Уокер еще дважды пытался захватить власть в Никарагуа, пока, наконец, не попался в 1860 году под горячую руку гондурасским военным – и те его, не долго думая, расстреляли. В общем, Уокер – это такой всеникарагуанский позор. Стоит никарагуанцу напомнить об Уокере – и никарагуанец начинает скрипеть зубами и искать глазами “эксплоитатора дель норте” (янки), чтобы перерезать тому глотку.

Понятное дело, американцы всего этого безобразия терпеть не могли. Консул Моффат быстренько подбил двух никарагуанских генералов – Хуана Эстраду и Эмилиано Чаморро – на “революцию” против Селайи. Оружие и продовольствие мятежникам привезли на кораблях “Юнайтед фрут компани” в никарагуанский атлантический порт Блуфилдс. Там же, на рейде Блуфилдса, появились два американских военных крейсера – “Дубук” и “Падука”. 8 октября 1909 года “революция” началась. Времена тогда были незатейливые, и один из двух лидеров “революционеров”, генерал Эстрада, с солдатской прямоотой и ничего не стесняясь, так честно и рассказал корреспонденту “Нью-Йорк таймс”: да, восстание организовано по заказу американцев и на их деньги, фруктовые компании (“Юнайтед фрут”, “Стандард фрут” и другие) выделили на это дело миллион долларов, да торговый дом Джозефа Бирса – 200 тысяч, да торговый дом Сэмюэла Вейла – 150 тысяч...

Но возникла одна загвоздка. Селайя не захотел отдавать власть и стал сопротивляться. Началась гражданская война.

Если для никарагуанцев Билл Уокер был национальным позором, что для американцев, наоборот – это был пример для подражания. В Никарагуа кинулись из США толпы авантюристов. Все, естественно, поддерживали мятежников. И вот в ноябре 1909 года двух таких искателей приключений из США – Лео Гросса и Роя Кэннона – застукали при попытке взорвать на пограничной с Коста-Рикой реке Сан-Хуан пароход с никарагуанскими правительственными войсками. Американцев приговорили к расстрелу.

США в ответ разорвали с Никарагуа дипломатические отношения и пригрозили Селайе открытой интервенцией. 16 декабря Селайя ушел в отставку и уехал из страны. Так, всеми забытый, в полной нищете, он и умер в эмиграции в 1917 году. Но, впрочем, в 1930-м его останки были перевезены в Никарагуа и торжественно перезахоронены, а сам Селайя провозглашен “национальным героем”.

Но война не кончилась. Национальная ассамблея (парламент) избрала временного президента – Хосе Мадриса, тоже из партии либералов.

Мардис, после нескольких месяцев упорных боев, разбил основные силы мятежников и окружил их. Вот тут-то американцы и совершили ошибку, которая через 70 лет аукнулась Сандинистской революцией: они высадили в Никарагуа морскую пехоту. Мадрис, понимая, что войну против США маленькой Никарагуа не выиграть, ушел в отставку. Мятежники победили.

27 августа 1910 года американская морская пехота вошла в Манагуа. Сразу же была сформирована временная хунта в составе Хуана Эстрады, Эмилиано Чаморро и представителя американской стороны – Адольфо Диаса, служащего североамериканской компании “Ла Лус и Лос Анхелес майнинг компани”. Диас пользовался доверием самого госсекретаря США Нокса, поскольку Нокс был адвокатом той самой “Ла Лус”. Первым делом эта троица сперла национальный валютный фонд, честно разделив его на троих.

Тут же для острастки расстреляли 200 человек – из числа сторонников президента Селайи. Впоследствии выяснилось, что расстреливали не без разбора, а преимущественно тех, кто побогаче, – чтобы присвоить их имущество. Имущество это прибрал к рукам в основном генерал Эмилиано Чаморро. Таким нехитрым путем генерал закладывал основу могущества клана Чаморро – того самого, к которому относится и Виолетта Барриос де Чаморро – первый президент Никарагуа после сандинистов.

В октябре 1910 года в Манагуа приехал специальный представитель США Том Даусон. Даусон хунту разогнал, Эстраду назначил президентом, а Диаса – вице-президентом. На следующий год американцы намекнули Эстраде, что пора в отставку. Он понял, и президентом стал “совсем ручной” Адольфо Диас. Американцы успокоились – и вывели морскую пехоту из Никарагуа.

Тут же в стране вспыхнуло восстание. Восставшими командовал 33-летний адвокат Бенхамин Селедон. Диаса, как оказалось, ненавидели в стране так сильно, что даже его собственный министр обороны, Луис Мена, и тот перешел на сторону восставших.

Повстанцы подошли к столице. Испуганный Диас обратился за помощью к США. Американцы вновь послали в Никарагуа морскую пехоту. 3 тысячи “маринерз” отбросили повстанцев от столицы к городу Масая (южнее Манагуа). Там отряды Селедона закрепились и оборонялись 2 месяца. Мена предал и разоружил свои части. Наконец, 4 октября 1912 года морская пехота США подавила последний очаг сопротивления. Бенхамин Селедон был расстрелян. 70 лет спустя сандинисты провозгласят его “мучеником за свободу” и “национальным героем”.

3 ноября, в условиях американской оккупации, Адольфо Диас был “переизбран” на пост президента на новый четырехлетний срок. После этого американцы вывели бó льшую часть морской пехоты, оставив только “ограниченный воинский контингент” в Манагуа и несколько военных кораблей в никарагуанских портах. Над столичной цитаделью “Кампо де Марте” (“Марсово поле”), где разместились американские “маринерз”, был поднят звездно-полосатый флаг. Бедные никарагуанцы стали предметом осмеяния во всей Латинской Америке: только у них над столицей развевался флаг чужой страны.

В 1914 году США принудили никарагуанцев подписать “Договор Брайана – Чаморро”. По этому договору Никарагуа предоставляла американцам “на вечные времена” и без уплаты налогов право на строительство и эксплуатацию на никарагуанской территории канала из Тихого океана в Атлантический (аналогичного Панамскому); США получали в аренду на 99 лет острова Корн у Атлантического побережья Никарагуа, а заодно право создания базы ВМФ “в любом удобном для США месте на территории Республики Никарагуа”. С никарагуанской стороны договор подписал Эмилиано Чаморро, который был в то время посланником в Вашингтоне. Даже в Сенате США этот договор называли “бандитским” и “издевательским”. Можно себе представить, что думали сами никарагуанцы.

Эмилиано Чаморро заслужил “повышение”. Американцы пообещали ему пост президента Никарагуа. В конце 1916 года как раз должны были состояться президентские выборы. Чаморро стал претендентом от консерваторов. Либералы выдвинули Хулиана Ириаса. Тот звезд с неба не хватал, но поскольку никаких позорных договоров он не подписывал, было ясно, что Чаморро на выборах не пройдет. Тогда посланник США в Манагуа Джефферсон и командующий расквартированной в Никарагуа американской морской пехотой адмирал Каперон вызывали Ириаса к себе и сообщили ему следующее: во-первых, США не потерпят на посту президента Никарагуа человека, который не признает “Договор Брайана – Чаморро”; во-вторых, президент Никарагуа должен будет согласовывать свою внешнюю и внутреннюю политику с Госдепартаментом США и, в-третьих, кандидат должен предоставить доказательства того, что с момента свержения Селайи он ни прямо, ни косвенно ни разу не выступил против интересов США. После этого бедные либералы решили в выборах не участвовать. Так Эмилиано Чаморро стал президентом Никарагуа.

Эмилиано Чаморро, как я уже писал, был сильно озабочен проблемой увеличения благосостояния себя и своих родственников. Он принялся

назначать на прибыльные должности представителей “клана Чаморро”, а сам огреб грандиозную взятку от американской компании “Браун бразерз” за предоставление компании исключительных прав на ведение бизнеса в Никарагуа. Никарагуанцы бесились, когда узнавали, что в американских газетах их страну называют “Республикой братьев Браун”.

На следующих выборах Эмилиано Чаморро провел в президенты своего дядю – Диего Чаморро, а сам вернулся на пост посланника в Вашингтоне.

Диего Чаморро твердо следовал инструкциям племянника – и скоро все важнейшие и доходнейшие должности в стране были захвачены представителями “клана Чаморро”. Начальником таможенной службы стал Дионисио Чаморро, советником президента по вопросам финансов – Агустин Чаморро, министром внутренних дел – Росендо Чаморро, председателем конгресса – Сальвадор Чаморро, комендантом крупнейшего порта Коринто – Леандро Чаморро, главой фракции консерваторов в Национальной ассамблее – Октавио Чаморро, комендантом главной военной крепости Никарагуа – Филадельито Чаморро, консулом в Новом Орлеане – Агустин Боланьес Чаморро, консулом в Сан-Франциско – Фернандо Чаморро, в Лондоне – Хоакин Чаморро... Можно написать еще три десятка имен, да места жалко.

Американцы, успокоившись, решили, что пора выводить морскую пехоту из Никарагуа. Взамен они создали в стране “национальную гвардию” (то есть что-то вроде нашего ОМОНа). Инструкторами и командирами в “национальной гвардии” были янки. Практически “национальная гвардия” подчинялась не столько президенту Никарагуа, сколько посланнику США в Манагуа.

Но в 1923 году президент Диего Чаморро возьми да и умри. Пришлось проводить выборы. Эмилиано Чаморро, конечно, выставил свою кандидатуру, но американцы понимали, что шансов у него нет – ненависть к “клану Чаморро” была всеобщей. Американцы подобрали в конкуренты Чаморро своих людей – Карлоса Солорсано, доверенное лицо А. Диаса, и (на пост вице-президента) – Хуана Баутисту Сакасу. Сакаса полжизни прожил в США и даже говорил по-английски лучше, чем по-испански.

Конечно, Солорсано и Сакаса победили – и с января 1925-го стали президентом и вице-президентом. Американцы, надеясь на “национальную гвардию”, вывели в августе 1925 года морскую пехоту из Никарагуа.

Солорсано и Сакаса (особенно Сакаса) стали потихоньку “чистить” аппарат от представителей “клана Чаморро” – в конце концов, у них у

самих были родственники, да и на предвыборных митингах они обещали, что уберут с теплых местечек “этих пиявок Чаморро”.

Такого безобразия Эмилиано Чаморро не стерпел. 25 октября 1925 года он поднял мятеж. Американцы посоветовали Солорсано договориться с Чаморро. Тот внял совету. Эмилиано Чаморро назначили главнокомандующим вооруженными силами Никарагуа, его родственникам вернули отнятые у них теплые места, из конгресса выгнали 18 депутатов-либералов, которых заменили представителями “клана Чаморро”. Сакаса, на которого у Чаморро был особый зуб, бежал в Мексику – и конгресс принудили объявить Сакасу вне закона. Фактически Эмилиано Чаморро стал диктатором страны. А в январе 1926 года ему надоело быть только главнокомандующим – и он сместил Солорсано и сел в президентское кресло.

Себе на голову Чаморро решил разобраться со всеми, кто чем-то навредил “клану” при Солорсано, – Сакасе. Начались аресты и расправы. Никарагуанцы побежали во все соседние страны. Оставшиеся бессонными ночами вспоминали, можно ли их обвинить в нелояльности к “клану Чаморро”. Некоторые не стали дожидаться худшего. Генерал Хосе Мария Монкада поднял восстание в порту Блуфилдс. Американцы поняли, что пора вмешаться. 7 мая 1926 года американцы в третий раз высадили в Никарагуа морскую пехоту. Восстание Монкады было подавлено, генерал бежал в Мексику. Там он встретился с беглым вице-президентом Сакасой и убедил его, что надо свергнуть Чаморро. Сакаса согласился и назначил Монкаду “главнокомандующим армией Никарагуа в изгнании”. 6 августа генерал Луис Бельтран Сандоваль поднял восстание против Чаморро, но американцы разбили и его. Через 10 дней генерал Монкада с отрядом “армии Никарагуа в изгнании” высадился на атлантическом побережье страны и после ожесточенных боев занял город Пуэрто-Кабесас. Началась гражданская война.

Американцы были очень недовольны. “Юнайтед фрут” рассчитывала собрать рекордный урожай – а тут по плантациям мечутся вооруженные до зубов никарагуанцы, палят друг в друга, сжигают постройки. В общем, США посоветовали Чаморро вступить с повстанцами в переговоры. Переговоры состоялись на борту американского крейсера “Денвер”. После переговоров Чаморро подал в отставку.

Однако американцы перестраховались. Безо всяких выборов они назначают верного Адольфо Диаса президентом Никарагуа. Никарагуанских конгрессменов буквально сгоняют на чрезвычайную сессию – и те под пулами винтовок провозглашают Диаса “законным” президентом.

Сакаса, может быть, и согласился бы с этим решением, но от него уже мало что зависело. В разных районах страны начались вооруженные выступления против Диаса, и противники нового “президента” провозгласили законным президентом страны Сакасу, а временной столицей – Пуэрто-Кабесас. Правительственные войска и американская морская пехота не могли справиться с повстанцами. Тогда американцы начали переговоры с генералом Монкадой (которого Сакаса назначил министром обороны в своем правительстве), блокировали Пуэрто-Кабесас с моря и высадили десант в порту Коринто на тихоокеанском побережье Никарагуа. В январе 1927 года в Никарагуа было введено 5 тысяч американских солдат, побережье блокировали 16 военных кораблей США. В Вашингтоне торопились, поскольку одна международная неприятность уже произошла – правительство Сакасы было официально признано Мексикой.

Адольфо Диас призвал США “взять на себя защиту Никарагуа на ближайшие 100 лет”. 23 февраля 1927 года важнейшая крепость столицы – “Ла Лома” (“Холм”) была передана американцам. Над крепостью взвился флаг США. Англичане, которые давно соревновались с американцами за влияние в Никарагуа, не удержались и направили правительствам Никарагуа и США официальный запрос: надо ли все это понимать как присоединение Никарагуа к Соединенным Штатам? Пришлось над “Ла Ломой” спустить американский флаг и вновь поднять никарагуанский. Но Англия на этом не успокоилась и послала в порт Коринто военный корабль – “для защиты интересов британских подданных в Никарагуа”. Чуть позже к Англии присоединились Италия и Бельгия. Американцы поняли, что Сакасу и Монкаду нужно срочно уговорить или купить, пока те не получили помощь, скажем, от англичан.

Для этой цели в Никарагуа отправили личного друга президента Теодора Рузвельта – полковника Генри Стимсона. Стимсон принялся обхаживать Сакасу и Монкаду. Довольно быстро он понял, что реальная вооруженная сила – в руках генерала Монкады, и стал обрабатывать в первую очередь его. Монкада никаких твердых политических взглядов не имел, он побывал и в партии либералов, и в партии консерваторов, любил шикарно пожить, частенько бывал изрядно пьян и считал себя неотразимым мужчиной. Но поскольку генералу было уже 55 лет, был он изрядно потаскан и обычно нетрезв, то в отношениях с женским полом у этого жуира стали нарастать трудности. Генерала “повело” на малолеток. Одних он запугивал, других – задабривал подарками. Подарки требовали денег.

В общем, в начале мая 1927 года полковник Стимсон уговорил-таки Монкаду. Монкада получил изрядную мзду и обещание, что американцы сделают его следующим после Диаса президентом Никарагуа (американцы это обещание сдержали), в правительство Диаса ввели 6 человек Монкады. Монкада договорился, что его солдаты сдадут оружие войскам США и каждый получит за винтовку новый костюм и 10 долларов.

12 мая 1927 года силы Монкады капитулировали. Но тут произошло нечто неожиданное. Один генерал отказался сложить оружие. Именно этот генерал носил фамилию Сандино.

2. Сандино

Полностью этого человека звали Аугусто Сесар Сандино Кальдерон. Папа у него был, видимо, с претензиями – раз назвал сына, как римского императора – Цезарем Августом. У папы – Грегорио Сандино – была небольшая кофейная плантация. Денег у семьи хватало, чтобы маленький Аугусто посещал школу, но после школы приходилось подрабатывать на ферме. Родился Аугусто то ли в 1895, то ли в 1893 году – то есть как раз тогда, когда к власти пришел Селайя. Времена были относительно стабильные – и Аугусто даже проучился несколько лет в гимназии в городе Гранада. Но окончить гимназию не пришлось: отец женился во второй раз, пошли дети – Сократес, Асунсьон, Зоила, – всю эту кучу малышей надо было кормить.

Аугусто Сесар Сандино – хоть он позже и прославился как непобедимый генерал – никогда не был профессиональным военным. Не было у него военного образования, и даже среднее было неполным. Правда, он жадно, запоем читал – но это уже другое.

Впервые о Сандино услышали, когда он организовал у себя дома, в городке Никиноомо (департамент Масая), торгово-потребительский кооператив. Это было время владычества “клана Чаморро”, крестьяне массами разорялись – и кооператив помог таким же малоземельным семьям Никиноомо, как семья Сандино, устоять на ногах. Но оказалось, что кооператив мешал перекупщикам – торговцам из Гранады, связанным с “кланом Чаморро”. К тому же, это был “дурной пример”. В Никиноомо прислали генерала Монкаду (да-да, того самого) – и генерал разогнал кооператив. Так впервые встретились Монкада и Сандино.

Но Монкада в те годы уже мечтал стать президентом. Он вербовал, где мог, сторонников, искал (покупал) союзников. Сандино, чье имя уже пользовалось популярностью во всем департаменте, обратил на себя внимание Монкады. Тот пригласил Сандино на вечеринку, где под песни

и гитары, за столом, уставленным бутылками со знаменитым никарагуанским ликером “касуса”, предложил Сандино “забыть все плохое” и начать работать на него, Монкаду.

Сандино был мрачен. Тогда Монкада приволок откуда-то перепуганную тринадцатилетнюю девчонку и с пафосом возгласил:

- Эту красавицу, эту жемчужину, эту соперницу богинь я приготовил для себя. Но я хочу, чтобы мы стали друзьями навеки, чтобы ты проводил мою политику в департаменте Масая – и потому я с радостью отдаю ее тебе! Бери, она твоя!

Публика разразилась аплодисментами. Девчущка заревела.

Дальше произошла знаменитая сцена. Молодой Сандино вытащил у генерала Монкады из-за пояса пистолет и закричал:

- Ну ты, старый развратник! Эта девочка – символ нашей страны, Никарагуа! И не ты, и никто другой над ней не надругается!

Сандино схватил девушку за руку и, держа генерала под прицелом, отвел к своей лошади. Затем выкинул пистолет (чтобы не обвинили в хищении армейского имущества) и ускакал с девушкой в ближайший женский монастырь. Генерал Монкада был так потрясен, что даже не снарядил погоню.

Сандино подумал, что теперь ему надо держаться подальше от Монкады. Думал он правильно: однажды в баре наемный убийца попытался застрелить его. Сандино спасла случайность. После этого он поклялся не брать в рот ни капли спиртного.

Он отправился бродить по стране, поменял много профессий, а в 1923-м уехал в соседний Гондурас. Там, в порту Ла Сейба Сандино познакомился и подружился с Густаво Алеманом Боланьосом – лучшим прозаиком Никарагуа, политэмигрантом. Из Гондураса Сандино переехал в Гватемалу, где недолго проработал механиком в мастерских “Юнайтед фрут”. Затем перебрался в Мексику, где устроился на работу в американскую нефтяную компанию “Уастека”. В Мексике Сандино познакомился с другими эмигрантами из Центральной Америки – в том числе настроенными довольно радикально.

Жизнь в Мексике сильно отличалась от жизни в крошечных центрально-американских республиках. В 1917 году в Мексике завершилась революция, крестьяне получили землю, у власти стояло довольно-таки прогрессивное правительство. Страна быстро развивалась экономически. Политическая жизнь была ключом. За полтора года, что Сандино провел в Мексике, там успел вспыхнуть и был подавлен реакционный мятеж,

власти поссорились с католической церковью и приняли “нефтяной закон”, ударивший по североамериканским нефтяным компаниям. В стране активно действовали профсоюзы (Сандино тут же вступил в профсоюз и стал его активистом) и в немалом количестве водились совершенно экзотические личности, которых в Никарагуа нельзя было сыскать днем с огнем – социалисты, коммунисты и анархо-синдикалисты. Сандино часами просиживал в профсоюзной библиотеке, читал книги, журналы и газеты. Там Сандино узнал много интересного. Например, что непобедимая вроде бы американская армия так и не смогла справиться во время Мексиканской революции с партизанскими отрядами Панчо Вильи. А также что “социалист”, “анархист” и “коммунист” – это не ругательства, вроде слова “богохульник”, а наименования членов разных партий, приверженцев различных политических течений.

В мае 1926 года, услышав о восстании против Чаморро в Никарагуа, Сандино возвращается на родину. То, что он обнаруживает дома, его потрясает. Работу найти нигде никакой нельзя. Люди в тропической стране умирают от голода. Наконец Сандино завербовывается на золотые прииски Сан-Альбино (на границе с Гондурасом), принадлежащие американской фирме. У Сан-Альбино – зловещая слава: условия труда и жизни там адские, люди мрут как мухи.

Сандино подговаривает рабочих поднять восстание. “Иначе мы все здесьдохнем”, – повторяет он как заклинание. Это веский аргумент. Но нужно оружие. Одного из рабочих, Антонио Марина, посылают через границу, в Гондурас, с уже добытым золотом. Гондурасская пограничная стража известна продажностью, хотя никто еще не слышал, чтобы она продавала собственное оружие. Но вскоре Марин возвращается и привозит 15 винтовок и несколько сот патронов. Сандино, тем временем, обучил товарищей искусству изготовления ручных гранат из кожаных мешков и динамита, которым пользуются на прииске.

19 октября 1926 года Сандино поднимает восстание. Рабочие взрывают прииск и уходят в горы. 2 ноября отряд из 30 человек принимает первый бой с правительственными войсками. Солдат было 200. Партизаны отступают, но все остаются живы.

Сандино основывает в горах департамента Новая Сеговия партизанскую базу и называет ее “Эль Чипоте” (на местном диалекте это значит “Сильный удар”). Сандино отправляется на каноэ с шестью помощниками в Пуэрто-Кабесас – к Сакасе, за оружием и инструкциями.

Но Сакаса отфутболивает Сандино к генералу Монкаде, своему “министру обороны”. Монкада, конечно, не забыл, кто такой Сандино, и оружия не дал.

Не было бы счастья, да несчастье помогло. Как раз американцы блокировали Пуэрто-Кабесас с моря и потребовали от Сакасы “очистить город”. Сакаса и его люди пустились в бега – и много чего бросили по дороге. В том числе и оружие. Сандино нагрузил подобранным оружием (40 винтовок и 7 тысяч патронов) каноэ и на веслах повез груз в Новую Сеговию.

Поглядев на Сакасу и Монкаду, Сандино разочаровался в вождях античаморровского восстания, либералах. Позже он вспоминал: “Консерваторы и либералы – одинаковые прохвосты, трусы и предатели, не способные руководить мужественным народом... Именно тогда я понял, что у нашего народа нет достойных его руководителей и что нужны новые люди”.

Вскоре отряд Сандино вырос до 300 человек, затем – до 800, причем из пехотинцев они стали кавалеристами. После целой серии успешных боев с американской морской пехотой имя Сандино становится популярным среди повстанцев.

В апреле 1927 года правительственные войска и “маринерз” окружили отряд генерала Монкады. Тот обратился за помощью к Сандино. “Если вы срочно не поддержите армию, то именно вы будете нести ответственность за катастрофу”, – написал Монкада. Сандино со своими 800 всадниками прорвал окружение и отбросил противника. Монкада на радостях произвел Сандино в генералы.

Но следующим шагом Монкады было издание приказа, ограничивавшего численность отдельных войсковых групп 300 бойцами и запрещавшего переход из одной части в другую. У Сандино было 800 бойцов – и почти каждый день к нему приходили новые, в том числе из других повстанческих отрядов: Сандино становился легендой.

Однако все бойцы Сандино отказались переходить под чье-либо еще командование. С этого момента они стали именовать себя “сандинистами”, подчеркивая тем самым, что они отличаются от других повстанцев-либералов.

Тогда Монкада отдал приказ отряду Сандино расквартироваться в городе Боако и ждать там прибытия штаба Монкады. Коварство замысла было в том, что Боако, вопреки тому, что сообщил сандинистам Монкада, вовсе не был занят повстанцами, а контролировался правительственными войсками. Монкада надеялся, что ничего не подозревавшие сандинисты попадут под огонь правительственных войск – и будут уничтожены. Но Сандино в ловушку не попал, он закрепился у города, рассредоточил свои силы и, действительно, стал ждать Монкаду.

А Монкада тем временем сговорился с американцами и капитулировал. Сандино, как мы помним, отказался сложить оружие. Монкада попытался его уговорить. Между Сандино и Монкадой произошел исторический разговор:

- Кто вас сделал генералом? – спросил Монкада.

- **Назначили** – вы. **А сделали** – мои товарищи по борьбе, сеньор. Так что я своим званием не обязан ни оккупантам, ни предателям!

В день капитуляции либералов Сандино выпустил воззвание (“циркуляр”) ко всем местным властям всех департаментов Никарагуа. Рассказав о предательстве Монкады за шаг до победы (“Либеральная армия насчитывала 7 тысяч хорошо вооруженных бойцов, а правительственная – немногим более тысячи человек, думавших уже не о борьбе, а о дезертирстве”), Сандино завершил воззвание такими словами: “Я не сложу оружие, даже если это сделают все. Лучше я погибну с теми немногими, кто остался со мной. Лучше умереть в борьбе, чем жить в рабстве”.

Сандинисты подняли черно-красное знамя. Эти цвета значили: “Свободная родина или смерть!”. Через 30 лет, на Кубе, Фидель Кастро выберет то же знамя.

Так началась эта беспримерная история – успешная война небольшого отряда партизан против собственного правительства и 12-тысячного корпуса американской армии одновременно.

3. Генерал свободных людей

Внешность у Сандино была самая незавидная. Был он маленький, худенький, с некрасивым лицом метиса – как у большинства крестьян Никарагуа, в жилах Сандино текла преимущественно индейская кровь. Аристократические роды Латинской Америки любят подчеркивать свое расовое превосходство над простолюдинами – вот, мол, посмотрите на мое лицо: ничего индейского, чисто европейский профиль. Европейская внешность – это гарантия древности рода, гарантия того, что перед вами – не выскочка, не внезапно разбогатевший каким-то сомнительным способом нувориш.

Сандино, напротив, гордился своей внешностью и своим происхождением. “Я никарагуанец и горжусь тем, что в моих жилах течет кровь американских индейцев”, – писал он в 1927 году в “Политическом манифесте”. В том же “Манифесте” были еще более удивительные и смелые для тогдашней Никарагуа строки: “Я городской рабочий, ремесленник, но мои стремления общенациональны, мой идеал – обладать правом на свободу и правом требовать справедливости, даже

если для завоевания этого потребуется пролить и свою и чужую кровь. Олигархия, эти гуси из грязной лужи, скажут, что я плебей. И пусть. Я горжусь тем, что вышел из среды угнетенных, ведь именно они – душа и честь нашего народа”.

Сандино начал свою войну в очень неблагоприятной ситуации. Его силы были распылены. С самим Сандино было 100 человек (и только 60 винтовок), еще 100 человек, с которыми он мог легко связаться, были сосредоточены в городе Эстели. Остальные сандинисты оказались отсечены от него частями Монкады, Диаса и американской морской пехотой.

Поэтому сначала ни новое правительство, ни американцы не восприняли Сандино всерьез. Они послали 400 “маринерз” и 200 национальных гвардейцев для того, чтобы принудить Сандино сдаться. Экспедицией руководил капитан морской пехоты США Хатфилд.

Хатфилд прибыл со своим отрядом в город Окоталь и направил оттуда Сандино ультиматум с требованием в 48 часов сложить оружие. Он предполагал, что Сандино попытается бежать из страны, и потому предупредил: в этом случае за голову Сандино будет назначена награда и он никогда не сможет вернуться в Никарагуа.

Сандино, однако, не собирался бежать. Со своими 100 бойцами и 60 винтовками он решил штурмовать Окоталь. Утром 16 июля отряд Сандино подошел к городу и атаковал его. Бой длился 15 часов. Сандино взял Окоталь.

Американцы в Манагуа были так взбешены поражением, что послали самолеты разбомбить Окоталь. Американская авиация атаковала город и устроила настоящую охоту за крестьянами на окрестных полях. 300 мирных жителей – в основном женщин и детей – было убито и еще 100 человек ранено. Уцелевшие мужчины Окоталья вступили в отряд Сандино: мстить “гринго”.

Естественно, бомбардировка Окоталья не прибавила американцам популярности. Наоборот – все больше и больше людей приходило к Сандино: он был единственным, кто сражался с “гринго”.

В Латинской Америке, где обиды помнят долго, не забыли расправу над Окоталем до сих пор. И никогда не забывали. 30 лет спустя аргентинец Грегорио Сельсер в книге “Маленькая сумасшедшая армия” написал: “Один из самых первых случаев применения военной авиации против мирных жителей был в Никарагуа – за 8 лет до того, как Муссолини стал практиковаться в стрельбе с воздуха по беззащитным абиссинцам, и за 10

лет до того, как летчики гитлеровской эскадрильи “Кондор” превратили в развалины Гернику”.

Так, отчаянной атакой 16 июля 1927 года начал Сандино свою семилетнюю войну с 8-тысячным корпусом правительственной армии и “национальной гвардии” и 12-тысячным корпусом американской морской пехоты. У американцев к тому же было на вооружении 30 самолетов – по тем временам это была огромная сила: во всем мире насчитывалось не более 600 боевых самолетов.

Сандино быстро понял, что успешно воевать по канонам “большой войны” он не сможет, – американцы и сильнее, и лучше обучены правилам ведения позиционной войны. Сандино попробовал свои силы в позиционной войне в бою у Лас-Флорес. Там сандинистам пришлось отступить, потеряв 60 человек. Это было самое крупное поражение Сандино за все 7 лет боев.

Тогда Сандино сознательно перешел к тактике крестьянской сельской войны – то есть к герилье (партизанской войне). Обнаружив, что Сандино не хочет воевать “по правилам”, американцы расстроились: тактике противопартизанских действий они в те времена еще не были обучены. Тогда они провозгласили (устаами госсекретаря США Келлога) Сандино “бандитом”, а его отряд – “шайкой разбойников”. По требованию “гринго”, архиепископ Манагуа Лосано-и-Ортега и епископ Гранады Рейес-и-Вальядарес объявили с амвонов об отлучении от церкви Сандино, сандинистов и всех, кто к ним присоединится. Последствия были прямо противоположны тем, на которые рассчитывали янки: тысячи людей, прежде ничего не знавших о Сандино, узнали о его существовании.

В сентябре 1927 года Сандино объявил о создании Армии защитников национальной независимости Никарагуа – со своим знаменем, девизом, печатью, гимном, воинскими званиями и Уставом.

В этом Уставе специально подчеркивалось, что целью Армии является изгнание янки, восстановление полного суверенитета Никарагуа и избрание законного, независимого от США правительства. Командование Армией осуществляет Главный штаб, все бойцы Армии – добровольцы и не получают никакого жалованья, им “запрещается наносить ущерб мирным крестьянам, но разрешается облагать принудительными налогами местных и иностранных капиталистов”. Командирам Армии защитников национальной независимости Никарагуа строгойше запрещалось вступать в тайные переговоры с противником. Этот Устав подписало около 1 тысячи бойцов – так выросла армия Сандино.

Сандино разделил Армию на колонны численностью от 50 до нескольких сот бойцов. У каждой колонны было свое задание и свой оперативный район. Сандино разделил территорию, фактически контролируемую его армией, на 4 зоны, в каждой из которых были сформированы органы революционной власти. Все вместе контролируемые партизанами районы назывались “Лас-Сеговиас”, то есть “Сеговии”. Власти были вынуждены объявить на осадном положении зону деятельности партизан: департаменты Новая Сеговия, Эстели, Хинотега и Матагальпа, а также часть провинций Селайя и Кабо-Грасиас-а-Дьос. Это было ни много ни мало, как четверть всей территории Никарагуа. К декабрю 1932 года сандинисты контролировали уже свыше половины территории страны.

Сандино и его Армия быстро превратились в живую легенду. Неоднократно распространявшиеся правительством и янки сообщения о гибели Сандино и разгроме его “банд” каждый раз оказывались вымыслом. Однажды такое сообщение о гибели Сандино было даже спровоцировано самим Сандино: в начале 1928 года, когда американцы развернули крупное наступление на партизанскую базу “Эль Чипоте”, окружили там штаб Сандино и принялись ежедневно бомбить базу, Сандино распространил слух о своей смерти и инсценировал собственные похороны. Американцы приостановили наступление на суше и принялись безостановочно атаковать базу с воздуха – они полагали, что сандинисты, деморализованные гибелью своего вождя и непрерывными авианалетами, скоро сами сдадутся.

А Сандино тем временем оставив на позициях чучела, вывел своих людей через джунгли из “Эль Чипоте”. Когда “гринго” ворвались в “Эль Чипоте”, они обнаружили, что база пуста. Через несколько дней им пришлось срочно эвакуироваться с базы – пришло сообщение, что Сандино захватил город Сан-Рафаэль-дель-Норте. Но когда “маринерз” ворвались в Сан-Рафаэль, сандинистов там уже не было: они оставались в городе ровно столько времени, сколько было нужно для того, чтобы захватить и вывезти оружие из местного арсенала.

Вообще, Сандино постоянно ставил “гринго” в тупик. Американцы, например, хорошо знали, что в тропических джунглях ночью воевать невозможно – тьма кромешная, никакие опознавательные знаки не видны, а если стрелять на глазок, по вспышкам выстрелов – наверняка перебьешь кучу своих.

Однако Сандино благополучно разгромил посреди ночи лагерь “маринерз” на реке Коко, не оставив на месте боя ни одного убитого партизана. Американцам не пришло в голову, что Сандино приказал своим людям перед боем раздеться догола и выкупаться в реке. Света

звезд и вспышек выстрелов вполне хватило для того, чтобы голые блестящие партизаны уверенно различали друг друга в бою. Так, без потерь, небольшой отряд голых сандинистов, вооруженных одними мачете и пистолетами, полностью уничтожил втрое превосходящее их по численности подразделение морских пехотинцев, захватил ружья, патроны, пулеметы, гранаты и карту с планом антипартизанских операций.

Вскоре в армию Сандино стали приходиться не только никарагуанцы, но и другие латиноамериканцы. Чем шире распространялась слава Сандино – тем больше находилось в Латинской Америке людей, которые приходили к мысли, что погибнуть в горах чужой страны, сражаясь с “гринго” за ее свободу, куда достойнее, чем прозябать у себя на родине. Многие из таких людей скоро выбились в командиры в армии Сандино.

Колумбиец Рубен Ардилья Гомес вместо того, чтобы поступить у себя дома в Боготе в университет, уехал в 18 лет в Никарагуа – к Сандино. Самое интересное, что он ни от кого своих планов дома не скрывал. Мать Рубена, прощаясь с сыном, обливалась слезами, но затем благословила: “Поезжай. Отомсти “гринго” за нас”. “За нас” – это значило: за колумбийцев. “Гринго” к тому времени устроили целых семь интервенций в Колумбию и даже организовали сепаратистский мятеж на севере страны, оттяпав от Колумбии департамент Панама – Колумбия не давала разрешения на аренду земли под канал, а карманное государство Панама было сразу на все согласно. У сандинистов Рубен Ардилья дослужился до лейтенанта и стал адъютантом Сандино.

Из Доминиканской Республики приехал негр Грегорио Урбано Хильберт. К тому времени он уже был знаменит на родине: в 1917 году Грегорио организовал сопротивление высадке американской морской пехоты в порту Сан-Педро-де-Мекорис недалеко от столицы. После оккупации острова янки Хильберт ушел в горы, но был в конце концов арестован и приговорен к смерти. Президент США Вудро Вильсон заменил смертный приговор пожизненным заключением. Имя Хильберта стало символом сопротивления оккупации, по всей Доминиканской Республике развернулось движение за его освобождение. Кончилось тем, что американцы плюнули – и в октябре 1922 года выпустили Грегорио на свободу. Он вынужден был уехать с родного острова на Кубу – и вернулся домой только после эвакуации американских войск, в 1926 году. Хильберт начинает издавать оппозиционную газету – и вскоре попадает за это в тюрьму. Правительству Орасио Васкеса, большого друга США, вообще не нравился этот оппозиционер Хильберт. А Хильберту не нравилось правительство Васкеса, занимавшееся преимущественно

разворовыванием национальной казны. Завершилось противостояние тем, что однажды Хильберт предпринял вооруженную попытку освободить из тюрьмы своего друга Хулио Арсено, также известного оппозиционера. Попытка не удалась, в перестрелке с солдатами Хильберт был ранен. Он ушел в подполье, отлеживался, лечил раны. За это время до Доминиканской Республики дошли сведения о партизанской борьбе в Никарагуа. Выздоровев, Грегорио Урбано Хильберт отправился к Сандино. В повстанческой армии он дослужился до капитана, стал одним из ближайших помощников Сандино.

Из Гватемалы к Сандино пробрался Мануэль Мариа Хирон Руано. Это был высокообразованный и талантливый человек. Американский корреспондент Карлтон Билс, побывавший в лагере сандинистов, писал потом с удивлением: “Хирон разбирается в литературе, искусстве и международных отношениях куда лучше, чем командующий вооруженными силами США в Никарагуа генерал Феланд”. Очень быстро Хирон достужился в повстанческой армии до генерала и возглавил Главный штаб армии Сандино. Смерть Хирона была трагической случайностью: он заразился в джунглях амебиазом. Измученного амебными дизентерией и гепатитом генерала партизаны решили переправить в Гондурас – для лечения. На границе Хирон был схвачен американскими солдатами и расстрелян.

Из Гондураса пришел к Сандино индеец Хуан Пабло Умансор. Высокий, худой, молчаливый человек с грустными глазами, он умел передвигаться совершенно бесшумно и незаметно появляться и исчезать – в том числе и в тылу врага. О нечеловеческой смелости Умансора среди партизан ходили легенды. Этот индеец тоже станет генералом армии Сандино – и погибнет вместе со своим командиром.

А вот не менее интересный случай – Густаво Мачадо из Венесуэлы. Родился в очень богатой семье, получил прекрасное образование в Сорбонне. Еще до Сорбонны Густаво прославился как лидер и организатор студентов, гимназистов и школьников. Власти заметили и оценили таланты Густаво: 15-летнего паренька посадили в тюрьму и выпустили только через год. Тюрьма малолетнего Густаво не исправила – и спустя 4 года он примет активное участие в вооруженном восстании против диктатора Хуана Висенте Гомеса, американского ставленика. Восстание будет подавлено, Мачадо эмигрирует в Европу (вот так и попадают в Сорбонну!), потом приедет на Кубу, вступит там в подполье в компартию. К Сандино он приедет продолжать свою давнюю войну с “гринго” – не получилось в 1919-м в Венесуэле, получится в Никарагуа. Мачадо ждет большое будущее: на родине он побывает и

парламентарием, и политзаключенным, а в 1958-м даже возглавит Компартию Венесуэлы.

Еще один пример – сальвадорец Хосе Аугусто Фарабундо Марти. Выходец из богатой помещичьей семьи, получил юридическое образование в Университете Сан-Сальвадора. Лидер студенческого движения. Полученную по наследству землю раздал бесплатно батракам и арендаторам. Еще в университете Аугусто стал марксистом – и потом, когда он в повстанческой армии дорастет до должности личного секретаря Сандино, Фарабундо Марти попытается “совратить” в марксизм и Сандино. Споры у них были долгими и отчаянными. Судя по всему, многие из разговоров с Фарабундо Марти у Сандино в голове застряло. Но от принципа беспартийности своего движения Сандино отказаться не захотел. Не захотел он отказаться и от идеи “правительства национального примирения” после изгнания из Никарагуа янки. Кончилось все тем, что генерал и секретарь поссорились. “Из-за своей политической близорукости ты погубишь и себя, и свою революцию!” – с горечью выкрикнул один Аугусто другому – и уехал к себе в Сальвадор.

В Сальвадоре Фарабундо Марти ни мало ни много создал Коммунистическую партию – и партия как-то сразу и успешно пошла в гору. Даже на президентских выборах в 1931 году победил поддерживавшийся коммунистами кандидат Артуро Араухо. Но в декабре 1931 года в стране произошел переворот и к власти пришел диктатор Эрнандес Мартинес, поклонник Гитлера и Муссолини. Фарабундо Марти арестовали. Он объявил голодовку, голодал 21 день – и все эти дни диктатуре приходилось разгонять в столице массовые демонстрации в его защиту. Наконец, диктатор Мартинес не выдержал – и освободил Фарабундо Марти из тюрьмы. Но тут же выслал из страны. А уже в январе 1932 года в Сальвадоре началось восстание против диктатуры, подготовленное коммунистами – и Фарабундо Марти нелегально вернулся на родину. Это было первое в Латинской Америке коммунистическое восстание. Повстанцы подошли к столице – и тогда диктатор Мартинес обратился за военной поддержкой к США, Канаде и Великобритании. Те откликнулись – и восстание было потоплено в крови. 20 тысяч человек было расстреляно. Среди них – и Фарабундо Марти. Но когда в конце 70-х в Сальвадоре началась партизанская война, крупнейшая организация герильерос взяла себе название Народные силы освобождения имени Фарабундо Марти. А когда в 1980-м все партизанские армии Сальвадора объединились, они приняли название Фронт национального освобождения имени Фарабундо Марти...

Вообще, армия Сандино состояла, конечно, из людей неординарных. Ординарные в такую самоубийственную затею лезть боялись.

Армию Сандино называли иногда “армией детей”. У Сандино было очень много бойцов-подростков. Взрослые усталые крестьяне сплошь и рядом хоть и сочувствовали Сандино, но воевать не стремились – семью надо кормить, да и вообще “плетью обуха не перешибешь”. А 12–14-летние мальчишки семьями еще не обзавелись, да и насчет плети и обуха они не были так уверены.

Первым таким бойцом был индейский мальчуган всего лишь 9 лет от роду. Несколько недель по тропам, видным только индейцам, шел он сквозь джунгли в лагерь Сандино. Принес продукты партизанам и потребовал ружье и пули, “чтобы убивать бандитов”. Сандино называл его “чико-омбре” (мальчик-мужчина). Этот Чико-омбре участвовал в 36 боях, выучился у партизан грамоте, стал всеобщим любимцем.

Таких “чико-омбре” было много. Лучшим снайпером у сандинистов был 12-летний Хосе Кастильо. Сначала он был разведчиком, но в бою у Тельпанека был ранен в ногу и охромел. Тогда Хосе стал снайпером.

Подростки приходили даже из-за границы. Прославившийся храбростью “чико-омбре” Хуан Альберто Родригес пробрался к Сандино из Гондураса. Ему тогда было 12 лет. Сандино пытался отправить мальчишку домой, но ничего не вышло. Тот сам раздобыл себе оружие, убив морского пехотинца – и доказал таким образом свое право быть партизаном.

Еще армию Сандино звали “армией поэтов”. Любимым занятием сандинистов было соревнование в чтении стихов Рубена Дарио. Дарио – это гений, гордость маленькой Никарагуа. Рубен Дарио был великий новатор, в начале XX века он изменил лицо не только никарагуанской, не только латиноамериканской, но вообще всей испаноязычной поэзии. Пабло Неруда писал: “Без Дарио латиноамериканцы вообще не умели бы говорить”.

Сандино любил стихи Дарио до безумия – и считал, что должен всех ознакомить с ними. Когда герильерос занимали селение или город, обязательным элементом пропаганды было чтение стихов Рубена Дарио.

Особенно любили сандинисты, понятно, те стихи Дарио, которые были официально запрещены, – за “подрывную направленность”. Например, “Рузвельту”:

США,	вот	в	грядущем
захватчик			прямой
простодушной	Америки	нашей,	туземной
			по
			крови...

Ты прогресс выдаешь за болезнь вроде тифа,
нашу жизнь за пожар выдаешь,
уверяешь, что, пули свои рассылая,
ты готовишь грядущее.

Ложь!

Можно представить себе, с каким злорадным удовольствием декламировали сандинисты финальные строки этого стихотворения:

Берегись Испанской Америки нашей – недаром на воле
бродит множество львят, порожденных Испании львом.
Надо было бы, Рузвельт, по милости господ бога,
звероловом быть лучшим тебе, да и лучшим стрелком,
чтобы нас удержать в ваших лапах железных.
Правда, вам все подвластно, но все же неподвластен вам бог!

У сандинистов были “лучшие чтецы” такого-то стихотворения и “лучшие чтецы” такого-то. Выходил один – и читал стихотворение Дарио, посвященное Хуану Рамону Хименесу с такими вот горькими строками:

Иль нас отдадут свирепым варварам в мученье?
Заставят нас – миллионы – учить английскую речь?
Иль будем платить слезами за жалкое наше терпенье?
Иль нету рыцарей храбрых, чтоб нашу честь сберечь?

Потом выходил другой партизан – и читал пламенное стихотворение “Лев”:

Народ разбил свои оковы вековые;
всесильный, как поток, и мощный, как титан.
Бастилию он сжег; пожары роковые
поет труба; сигнал к спасенью мира дан.
Рыча и прядая, спускается с высот
лев – Революция, как ветер очищенья,
и щерит пасть свою и гривую трясет.

Впрочем, сам Сандино больше всего любил декламировать “Литанию Господу нашему Дон-Кихоту”:

Царь славных идальго, печальных властитель,
исполненный мощи сновидец-воитель,
увенчанный шлемом мечты золотым;
на свете никем еще не побежденный,
фантазии светлым щитом охраненный.
Ты сердцем – копьём необорным – храним.

Похоже, Сандино чувствовал какое-то внутреннее родство между собой и Дон-Кихотом. Это замечали и другие. Американец Леджен Камминс, когда захочет уязвить в своей книге об интервенции США в Никарагуа лидера сандинистов, назовет его “Дон-Кихотом на осле”. А спустя 40 лет тот же образ – образ Дон-Кихота – придет на ум Че Геваре, когда он, оправляясь в свою последнюю герилью в Боливию, напишет в прощальном письме: “Мои ноги уже чувствуют бока Росинанта...”

Не сумев разгромить и тем более “поймать” Сандино, оккупанты стали делать одну ошибку за другой. Отчаявшийся посланник США в Манагуа Эберхард даже предложил Вашингтону официально объявить сандинистам войну – после этого можно было ввести в Никарагуа хоть 100, хоть 200 тысяч солдат. Госдепартамент обдумал это предложение и ответил: объявлять Сандино войну нельзя, потому что это означает признание сандинистов воюющей стороной, а не “бандитами”.

Американцы перешли к тактике “выжженной земли” в партизанских районах. По малейшему подозрению в сочувствии к Сандино людей расстреливали. В северных районах крестьянам отрубали руки – чтобы они не могли держать оружие. Только за первый год боев американцы полностью сожгли и разрушили 70 сел.

Измотанные в боях, постоянно терпящие поражение, в атмосфере всеобщей ненависти “маринерз” постепенно теряли человеческий облик, превращались в садистов. В 1933 году тогдашний президент Никарагуа Сакаса передаст США длинный список задокументированных военных преступлений американских солдат – с просьбой “хоть кого-то наказать”, чтобы успокоить общественное мнение в Никарагуа. Американцы никого, естественно, не наказали.

В списке Сакасы были такие, например, имена и факты:

Лейтенант морской пехоты Мак-Дональд. Сжег заживо в Сан-Рафаэле-дель-Норте вместе с домом семью из 8 человек, в том числе 6 детей;

Лейтенант Стюарт. Расстрелял из пулемета в Ла Конкордии 23-летнего Эдуардо Сентено; у живого еще Сентено отрезал уши и привязал к хвосту своей лошади – как трофеем;

Лейтенант Ли. У крестьянина Сантоса Лопеса отобрал пятимесячного ребенка, побросил младенца в воздух и “поймал” на штык. У крестьянки Мануэлы Гарсия отнял двухмесячную девочку и, схватив за ножки, разорвал пополам;

Рядовой Фелипон. В Сан-Рафаэле-дель-Норте утопил годовалого мальчика только за то, что того звали Аугусто, как Сандино. В селении

Ла Пинтада ножом вспорол грудь 12-летнему подростку, вырвал у него сердце – и бросил собакам;

Рядовой Мартин. Застрелил в Манагуа пятилетнего ребенка – просто так, для развлечения. (Впрочем, рядовой Мартин недолго прожил после этого. Сосед убитого мальчика, 12-летний Дуино, выследил Мартина и однажды в ресторане, на глазах у всех, убил ударом в грудь заточкой. Весь ресторан сделал вид, что ничего не произошло и никто ничего не видел. Дуино ушел в горы, к сандинистам.)

В результате армия Сандино выросла до 2 тысяч человек и до конца боев, несмотря на потери, численность ее не снижалась. Партизан было бы еще больше – их ограничивала нехватка оружия и боеприпасов.

Американцы объявили за голову Сандино награду в 100 тысяч долларов. Предателей среди партизан не нашлось.

“Маринерз” и “национальная гвардия” обычно не брали пленных. Но вскоре от простого расстрела они перешли к изощренным вариантам казни. Например, “корте де кумбо” – пленного привязывали к дереву и затем сильным ударом мачете сносили верхушку черепа; “корте де чалеко” – пленному отрубали обе руки, вспарывали живот, а затем отрубали голову; “корте де блумер” – пленному отрубали руки и ноги и оставляли умирать от потери крови.

Сначала Сандино отпускал пленных (не таскать же их за собой!), но, узнав о зверских казнях своих товарищей, приказал пленных расстреливать. Он провозгласил также своим врагом все американские компании и их служащих. Потери американцев резко возросли. Среди них началась паника.

Никогда раньше в Никарагуа американские компании не трогали. Венесуэльский генерал Рафаэль де Ногалес, наблюдавший как-то войну между либералами и консерваторами в Никарагуа, обратил внимание, как тщательно воюющие стороны старались не навредить своими действиями американской “Куямель фрук компани”. Баржи с бананами “Куямель фрук” спокойно пересекали линию фронта, рабочих с плантаций “Куямель” ни одна из сторон не призывала в армию...

Сандино эту традицию нарушил. В городе Кабо-Грасиас-а-Дьос он разрушил, сжег и взорвал все имущество американских фирм, а заодно и частные владения американцев. 17 высокопоставленных служащих “Юнайтед фрук” и “Стимшип компани” были расстреляны. Сандино полностью разгромил рудники и лесозаготовки американских компаний “Фрайберг мэхогани”, “Менгал компани”, “Брэгменс блафф ламбер компани”, “Отис мануфекчуринг” и других. Американцы побежали из

Никарагуа. Командование было вынуждено оттянуть часть “маринерз” из зоны боев в глубь страны – для охраны американской собственности.

Но это не помогло. В начале октября 1932 года колонна сандинистов под командованием генерала Умансора развернула наступление на Манагуа и захватила город Сан-Франсиско-дель-Каринсеро в трех часах пути от столицы. В Сан-Франсиско, на берегу озера Манагуа, многие американцы (в том числе и офицеры морской пехоты) скупили дома и участки – и превратили город в курорт. Теперь они всего этого лишились.

США явно проигрывали необъявленную войну.

А тут еще стали нарастать внешнеполитические проблемы. О Сандино с восторгом писали в европейских газетах. Анри Барбюс назвал его “генералом свободных людей”, Ромен Роллан – “героем”. Во всей Латинской Америке прославляли Сандино. Когда в 1928 году новоизбранный президент США Гувер совершал поездку по странам Латинской Америки, его везде встречали многочисленные демонстрации солидарности с сандинистами, а в Аргентине на Гувера даже было совершено покушение.

В самих США все больше людей протестовало против войны в Никарагуа. Всеамериканская антиимпериалистическая лига пикетировала Белый дом, требуя вывести из Никарагуа войска. Правительство посадило в тюрьму 107 членов Лиги, но протесты не прекращались. Возник даже “Чрезвычайный комитет по обсуждению политики США в Никарагуа”.

В крупнейших газетах и журналах обозреватели язвительно спрашивали правительство: а что это мы делаем в Никарагуа? Известный политический обозреватель Хейвуд Браун прославился статьей, в которой издевательски осведомлялся, почему правительство посылает войска для “защиты американской собственности” в Никарагуа, но не посылает в Монако? – ведь в казино Монако американцы теряют гораздо больше собственности. И если в Никарагуа “маринерз” для того, чтобы ловить “бандитов”, то зачем ездить так далеко? – Чикаго гораздо ближе.

Наконец, в Сенате США подняли вопрос, почему правительство ведет в Никарагуа боевые действия, в то время как решение о боевых действиях за пределами США может быть принято только Конгрессом США...

Так американцы проиграли войну.

С конца 1932 года они стали готовиться к эвакуации. В Никарагуа провели “выборы”. Хуан Сакаса внушил американцам, что он, “старый соратник Сандино” – единственный, кто может убедить партизан прекратить герилью. Американцы дали добро на избрание Сакасы президентом.

2 января 1933 года американская морская пехота эвакуировалась. Сандино победил.

В конце января 1933 года было заключено перемирие между партизанами и правительственной армией, а 3 февраля правительство и Сандино подписали “Мирный протокол”.

“Протокол” предусматривал разоружение армии Сандино (кроме 100 человек в районе Вивили); роспуск “национальной гвардии” как “неконституционного формирования”; создание на пустующих землях нового департамента “Свет и Правда”, в котором поселят на выделенных им для обработки землях партизан Сандино, причем власть в департаменте будет принадлежать сандинистам.

Старый друг Сандино – писатель Густаво Алеман Боланьос – написал генералу из Гватемалы, что тот не прав, что Сакасе нельзя верить и что надо продолжать революционную войну, иначе с сандинистами найдут способ расправиться. Сандино ответил ему: люди устали от войны, а после эвакуации американцев патриотический настрой понизился, не видя своими глазами “гринго”, многие не верят в то, что зависимость от США не исчезла. “Национальная гвардия” пока еще не распущена. Новая война затянется до бесконечности.

Густаво Алеман оказался прав. Командующий “национальной гвардией” Анастасио Сомоса Гарсия уже обо всем договорился с американцами. Сандино решено было устранить, Сакасу – сместить как “недостаточно надежного”.

“Национальная гвардия” окружила созданные Сандино сельскохозяйственные кооперативы в дельте реки Коко. “Гвардейцы” разместились вокруг поселка сандинистов Вивили. “Национальная гвардия” арестовала несколько сот сандинистов по всей стране, включая генерала Хосе Леона Диаса. 17 сандинистов было убито. Сандино заявил, что не сдаст оружие “национальной гвардии”, поскольку она – незаконное формирование, и еще раз потребовал ее роспуска, а заодно – освобождения всех арестованных сандинистов. Президент Сакаса пригласил Сандино в Манагуа для переговоров.

Пока Сандино вел переговоры с Сакасой, Сомоса вел переговоры с посланником США Артуром Лейном. Прямо из представительства США Сомоса отправился в казармы и, взяв своих людей, поехал к президентскому дворцу. Там “гвардейцы” устроили засаду и стали ждать машину с Сандино.

Как только автомобиль появился, его остановили, Сандино со спутниками высадили и тут же расстреляли. Вместе с Сандино погибли его брат

Сократес, генерал Умансор и генерал Франсиско Эстрада – племянник того самого Хуана Эстрады, который поднял в 1909 году мятеж против президента Селайи. Франсиско Эстрада пришел к Сандино, как он сам говорил, “чтобы смыть своей кровью клеймо позора с нашей фамилии”...

Это произошло 21 февраля 1934 года.

Вслед за убийством Сандино “национальная гвардия” атаковала поселки сандинистов. В Вивили были расстреляны все: мужчины, женщины, дети – по официальным данным, 300 человек, а на самом деле, конечно – много больше. Всего за несколько дней было устроено 39 массовых побоищ...

Сомоса стал фактически диктатором Никарагуа – при живом президенте Сакасе (а что тот мог поделать? – у Сомосы в руках была сила – “национальная гвардия”, за Сомосой стояли США). В 1936 году Сомоса поднял мятеж. Сакаса ушел в отставку. Сомоса стал президентом. Началась долгая “эра Сомосы”.

4. Сомосизм

Анастасио Сомоса Гарсия происходил из очень интересной семьи. Прадед Анастасио Сомосы – Анастасио Бернабе Сомоса был уголовником – вором, убийцей и бандитом. Начал он с карманных краж, кончил налетами на дома и грабежом на большой дороге. Кликуха у Бернабе Сомосы была “Анастасио Семь Платочков”. Кличка намекала сразу и на то, что Бернабе Сомоса во время налетов закрывал себе лицо платком, и на известную латиноамериканскую детскую сказку, в которой говорится, что и полудюжины платков не хватит, чтобы стереть с рук следы крови.

В 1849 году Анастасио Бернабе Сомоса попался и его повесили на фонарном столбе. Три дня труп прадедушки болтался на столбе, пока, наконец, не начал вонять (тропики!) и родственникам не разрешили его снять.

Сыновья Анастасио – Луис и Анастасио – были ворами и карточными шулерами. В каком-то очень юном возрасте оба братца заразились сифилисом, болезнь быстро прогрессировала, перешла в сифилис головного мозга – и однажды эти два полупомешанных мазурика что-то не поделили и укокошили друг друга: Анастасио выстрелил в Луиса сразу из двух пистолетов, а Луис порезал Анастасио насмерть ножом.

Папаша нашего героя – тоже Анастасио (имя передавалось по наследству) – на почве врожденного сифилиса был умственно неполноценным и кончил свои дни в богадельне.

Анастасио Сомоса Гарсия – славный потомок этой семейки дегенератов – начал свой трудовой путь с поездки в США, в Филадельфию, где он занялся подделкой долларов. Художником Анастасио оказался никудышним – и загремел в филадельфийскую тюрьму. Поскольку ему было лишь 17 лет, американская Фемида ограничилась двухмесячным заключением с последующей высылкой на родину. По дороге Анастасио обокрал какую-то бабушку (как ее звали, не знал и сам Анастасио, позже, вспоминая спяну об этом “подвиге молодости”, он так и говорил: “бабушка”) и вернулся в Никарагуа с карманами, полными денег. Деньгами Анастасио сразу же стал сорить и моментально получил славу игрока, распутника и счастливица, сказочно разбогатевшего в США.

Но Анастасио-то знал, что он нигде не разбогател, и лихорадочно присматривал себе невесту из богатого аристократического семейства. Наконец, ему удалось задурить голову Сальвадоре Дебайле – девице из старинного и влиятельного рода.

После женитьбы в 1919 году Анастасио быстро прокутил приданое жены и вновь занялся подделкой денег. Но вновь попался. От тюрьмы его спасло только вмешательство высокопоставленных родственников жены.

Некоторое время Анастасио занимался преимущественно бейсболом и футболом. Подружившись на бейсбольном поле с янки, он устроился в Фонд Рокфеллера. Используя свои связи в Фонде, с одной стороны, и родственников жены – с другой, в 1926 году Анастасио Сомоса получил синектуру: пост “политического начальника” города Леон.

В 1927 году Анастасио внезапно стал генералом. Это – настоящий анекдот. В городке Сан-Маркос либералы (к которым традиционно принадлежали Дебайле – родственники жены) подняли восстание. В рядах восставших оказался и Сомоса – поддержал родню. Правда, небескорыстно – его назначили “командующим южным флангом” и положили оклад в 700 кордоб. Правительственные войска окружили восставших на высоте близ города Хинотега. После первых же выстрелов Сомоса пустился бежать. Бежал он быстро и долго и остановился уже около столицы. А остановившись, тут же сдался правительственным войскам. При этом, понятно, отчитался по полной форме: так, мол, и так, я, Анастасио Сомоса Гарсия, политический начальник города Леон, командующий южным флангом повстанцев, перехожу на сторону законного правительства. На радостях Сомосе сразу же присвоили генерала. (Везет же некоторым! У нас вот Дима Якубовский так генерала и не получил!)

Вскоре “генерал” Сомоса познакомился с генералом Монкадой. Монкаде нужен был переводчик для общения с янки. Сомоса напросился на эту

роль. Язык он действительно знал, хотя знание это было специфическим. Известный американский журналист Уильям Крем, хорошо знавший Сомосу, писал так: “По-английски Сомоса говорит бегло, но с фантастическим количеством ошибок и на том особом жаргоне, каким пользуются гангстеры американо-итальянского происхождения”.

Скоро Сомоса вырос из переводчика в секретаря генерала Монкады.

Пока в Никарагуа действовали “маринерз”, “национальная гвардия” использовалась в качестве вспомогательной силы. Она не только была сформирована и обучена американцами, но и возглавлялась янки, а все офицерские должности в ней занимали “гринго”. Но перед уходом из Никарагуа американцы стали заменять офицеров из США надежными и проверенными никарагуанцами. И тут судьба еще раз улыбнулась Сомосе. “Гринго” решили сделать его командующим “национальной гвардией”. Сомоса внезапно оказался во главе самой крупной в Никарагуа военной силы.

С 1936 года, когда диктатор Сомоса стал де-юре президентом страны, он принялся перекраивать жизнь в Никарагуа на свой лад.

В стране еще оставалось много недовольных. Их ждали аресты и расстрелы. Сомоса выделил в центре Манагуа, на холме Тискапа, “закрытый район”, отрезанный от остального города широким красивым бульваром. Этот бульвар охраняли как военный объект – проникнуть внутрь через бесчисленные патрули можно было только по спецпропускам.

Внутри бульвара, на холме Тискапа расположились президентский дворец, главное полицейское управление, военная академия с казармами, центральное управление и казармы “национальной гвардии”. Позже там были построены подземная тюрьма и подземная штаб-квартира Сомосы, именовавшаяся в народе “бункером”.

А пока Сомоса переделал в тюрьму восточное крыло президентского дворца. Все камеры в этой тюрьме были сделаны в форме гроба, поставленного на попу: в этих склепах без воздуха и света можно было только стоять. По ночам с холма доносились крики пытаемых. По столице ходили слухи, что Анастасио Сомоса – садист, лично истязавший и убивавший арестованных. Иностранцы добросовестно передавали эти слухи своим правительствам в специальных донесениях.

Скоро с холма стали доноситься и крики диких зверей: Сомоса разместил в восточном крыле вдобавок к тюрьме личный зверинец. В зверинец он подобрал исключительно хищников – и кормил их мясом своих жертв.

Львов для зверинца Сомоса закупил в Южной Африке, тигров – в Индии, гиен – в Эритрее, горных волков – в Чили. Для крокодилов и анаконды во дворце вырыли специальные бассейны.

В Никарагуа стали бесследно пропадать люди – и даже иностранцы. Жесточайшая цензура окончательно задушила и без того не ахти какую культуру. За хранение “не тех” стихотворений Рубена Дарио могли расстрелять или скормить обитателям президентского зверинца. Одновременно существовала правительственная “Премия Рубена Дарио”, присуждавшаяся лучшему национальному поэту. Но почему-то из года в год эту премию получали только те, кто сочинял стихи, прославлявшие лично Сомосу.

Вообще, культуру генерал Анастасио Сомоса терпел только такую, какая была доступна и понятна его уголовному уму. Хуже всего пришлось художникам. Сомоса, со времен своей фальшивомонетной юности, проникся глубоким уважением к людям, способным **похоже** нарисовать то, что они видят. Даже Гитлера Сомоса особенно заужавал, когда увидел в каком-то журнале акварель фюрера – вполне реалистическую. На этой почве все модернисты и абстракционисты преследовались. А уж когда Сомоса узнал, что кубист Пикассо – коммунист... Так Никарагуа осталась без художников.

Однажды кто-то из родственников жены сказал Сомосе, что танго первоначально было “танцем пролетариев Буэнос-Айреса”. Сомоса тут же запретил исполнение танго по всей стране. Граждане обязаны были сдать все грампластинки с танго – при этом каждого сдававшего штрафовали на 10 кордоб и записывали в список “неустойчивых к коммунистической пропаганде”, после чего разбивали пластинку о голову ее владельца. Несколько сильно пожилых бабушек, между прочим, таким образом убили. Владельца кинотеатра в Манагуа, опрометчиво показавшего фильм, где танцевали танго, Сомоса приговорил к пожизненному заключению с конфискацией кинотеатра в свою пользу.

Лет через пять Сомоса, впрочем, танго разрешил: кто-то из американских дипломатов объяснил диктатору, что “пролетарий” – это совсем не то же самое, что “коммунист”...

Сомосе вообще всюду мерещились “коммунисты” – и он с ними боролся. Поэзия сюрреализма была запрещена потому, что она – “коммунистическая”. Кожаные куртки авиаторов были запрещены потому, что они – “коммунистические”. Закупленный в США паровоз марки “Ред Стар Лайн” Сомоса запретил выгружать в порту из-за “коммунистического” названия. Тюрьмы были битком набиты

“коммунистами”. И это при том, что в Никарагуа не было никаких коммунистов вплоть до 1944 года...

Зато Сомоса любил фашистов. Еще в 1935 году он создал фашистскую организацию “Голубые рубашки”, а став президентом, благословил создание в Никарагуа филиала франкистской партии. С Франко Сомоса вообще тесно сотрудничал – и республиканские власти в Мадриде даже были вынуждены выслать никарагуанских дипломатов из страны. Генеральный консул Никарагуа в Барселоне был арестован за помощь франкистам. Еще Сомосе полюбилась муссолиниевская идея “корпоративного государства” – и по указанию президента никарагуанская газета “Коррео” всю вторую половину 30-х занималась пропагандой фашистского “корпоративного государства”.

Дома у Сомосы висел большой портрет, на котором методом фотомонтажа был изображен Гитлер в обнимку с Анастасио Сомосой. Когда США вступили во Вторую мировую войну, американские дипломаты намекнули Сомосе, что портрет надо снять. Сомоса подчинился – снял портрет со стены гостиной... и перевесил в спальню! В 40-м году вообще выяснилось, что Сомоса предоставил территорию своей страны в качестве базы для уругвайских фашистов, готовивших на деньги Гитлера путч...

Когда президент США Франклин Рузвельт решил намекнуть Сомосе, что жизнь в Никарагуа уж слишком недемократична, Сомоса ответил: “Демократия в моей стране – это дитя, а разве можно давать младенцу всё, что он попросит? Я даю свободу – но в умеренных дозах. Попробуйте дать младенцу горячего пирога с мясом и перцем – и вы его убьете”. Именно тогда Рузвельт и сказал свою знаменитую фразу: “Сомоса, конечно, сукин сын, но это –наш сукин сын!”.

Вообще говоря, в Никарагуа в 1936 году действовала конституция, запрещающая высокопоставленным военным занимать президентский пост. Но Сомоса конституцию переписал. Потом ее пришлось переписывать еще два раза – Сомоса то продлевать срок президентства, то отменял статью, запрещающую повторное избрание президентом одного и того же лица...

При Сомосе в конституции было закреплено положение, что в Никарагуа могут действовать только консервативная и либеральная партии. Себя Сомоса считал “либералом”. А консерваторы считались “оппозицией”. Но “оппозиция” эта была тихой, беззубой, запуганной. Формально заседал парламент, проводились выборы. На самом деле все решал один Сомоса. Но среди консерваторов были богатейшие люди страны. Чтобы они помнили, кто в доме хозяин, Сомоса иногда их пугал: выпускал из тюрем

пару сотен уголовников – и отправлял их в парламент: побуянить. А однажды, в 1944 году, когда в Манагуа начались массовые демонстрации женщин, требовавших освобождения своих мужей, братьев, отцов и сыновей – политзаключенных (Сомоса тогда немножечко “ослабил гайки”: шел 44-й год, Никарагуа формально находилась в состоянии войны с Германией, США и СССР были союзниками), Сомоса прибег к такому интересному приему: свез со всей страны проституток – и послал их разгонять женскую демонстрацию...

Иногда Сомоса устраивал своеобразные развлечения. Например, в 1947 году он организовал “президентские выборы” и сделал “президентом” 70-летнего тяжело больного, умирающего Леонардо Аргуэльо – человека, которому Сомоса перекрыл дорогу к президентской власти, устроив в 36-м мятеж. Видимо, Сомосой руководил его патологически развитый садомазохистский комплекс.

К изумлению Сомосы, Аргуэльо не захотел быть умирающей марионеткой, прикрытием для диктатуры. Он вник в государственные дела, поразился чудовищным коррупцией и беззаконию и сместил с ряда выгодных должностей нескольких родственников Сомосы – тех, чье назначение было неправильно оформлено и кто уж совсем беззастенчиво воровал казенные деньги. Сомоса тут же окружил танками президентский дворец и сместил строптивного старика. Аргуэльо пробыл “президентом” всего 25 дней.

Укрывшийся в посольстве Мексики Аргуэльо был объявлен “умалишенным”. Вскоре Сомосы выпустил его умирать – в Мексику. А сам назначил нового “президента” – Бенхамино Лакайо, собственного дядю. Потом созвал Учредительную ассамблею – и Никарагуа получила нового “президента”, Виктора Мануэля Романа-и-Рейеса. Этот последний сочетал в себе достоинства предыдущих двух: как Аргуэльо, он дышал на ладан (Рейесу было 80 лет), и как Лакайо, был родным дядей Сомосы. На сей раз эксперимент Сомосы блестяще удался – Рейес вскоре умер. Довольный результатом, Сомоса вновь “избрал” в президенты самого себя.\

Иногда Сомоса играл в войну. Например, в 1948 году, когда в соседней Коста-Рике вспыхнула гражданская война между сторонниками законного, но антиамериканского правительства и сторонниками ставленника США Хосе Фигереса, Сомоса послал на помощь Фигересу свою “национальную гвардию”. Коста-Рика была (и есть) демилитаризованной страной, то есть не имеющей регулярной армии. Понятно, что “гвардейцы” Сомосы быстро всех, кого хотели, перевешали

и перестреляли и установили в стране такой режим, какой был нужен Вашингтону (наглядный урок всем пацифистам!).

Анастасио Сомосу никак нельзя было назвать “любимым лидером нации”. Несмотря на террор, в Никарагуа регулярно находились люди, достаточно смелые для вооруженной борьбы. В 1937 году бывший генерал армии Сандино Педро Альтамирано начал партизанскую войну в горах Чонталес. Но отряд Альтамирано был разгромлен, тяжело больного и почти ослепшего генерала убили “национальные гвардейцы”. В 1948 году новый партизанский очаг основал другой генерал-сандинист Хуан Грегорио Колиндрес. Но и его постигла неудача. В 1954-м вспыхнуло восстание крестьян Бояко, подавленное Сомосой.

В 1956 году группа молодых поэтов составила заговор. Они намеревались убить Сомосу во время бала в его честь в Леоне, который устраивался “желтыми” просомосовскими профсоюзами, и поднять вооруженное восстание. Основным боевиком должен был стать молодой поэт Ригоберто Лопес Перес. Уже перед началом бала товарищи предупреждают его: с восстанием не получается, операция откладывается. Ригоберто отвечает: уходите, уничтожайте улики, я остаюсь – другого случая может не быть. Он принимает яд, чтобы никого не выдать под пытками, и, танцуя пасодобль, приближается к Сомосе. Выхватывает пистолет. Охрана диктатора вскакивает и тоже выхватывает оружие. Прежде чем наспигованный пулями Ригоберто Лопес Перес упал на пол, он успел сделать шесть выстрелов и трижды попал в цель. Уже на полу, среди криков, грохота падающей мебели, всеобщей паники, он понял, что Сомоса жив – и выстрелил в седьмой раз. Этот последний выстрел – в пах – оказался смертельным. На вертолете американского ВМФ Сомосу увозят в зону Панамского канала, куда прилетают лучшие хирурги из США, в том числе личный врач президента Эйзенхауэра. Восемь дней они бьются за жизнь Сомосы – но безуспешно. 29 сентября 1956 года Анастасио Сомоса Гарсия умирает.

Место президента тут же занимает сын Анастасио Сомосы – Луис Сомоса Дебайле. Новый президент сразу же назначает командующим “национальной гвардией” своего брата – Анастасио Сомосу Дебайле.

Всех, кого братья Сомоса заподозрили к причастности к убийству, отправили под трибунал. Среди арестованных были и два будущих лидера Сандинистской революции – Карлос Фонсека и Томас Борхе. Но никаких данных против них нет, кроме смутных подозрений. Обоих будущих лидеров сандинистов во время следствия зверски избивают, особенно Борхе – его подозревают больше. Но они молчат. Карлоса

Фонсеку выпускают. Борхе в январе 1957 года предстает перед судом трибунала. Трибунал его оправдывает.

С тех пор все как-то пойдет у братьев Сомоса наперекосяк. Уже в 1957-м офицеры элиты “национальной гвардии” – ВВС (у “национальной гвардии” к тому времени будет уже и ВВС) составят заговор против диктатуры. Заговор раскроют. 1 января следующего, 1958 года офицеры будут осуждены судом военного трибунала. Но в том же году в стране возродится партизанское движение – и уже не прекратится до тех пор, пока сандинисты не свергнут диктатуру семейства Сомоса.

Еще Сомоса Гарсия выпустил в оборот денежные купюры с портретом своей дочери Лилиан. Но при Луисе Сомосе с этим купюрами возникает конфуз: “неизвестные негодяи” по всей стране начинают пририсовывать дочке тирана усы и аккуратно писать над портретом “пута” (шлюха). Приходится купюры с портретом заменить на другие – с пейзажем.

В 1963 году братья Луис и Анастасио поругаются – кому быть президентом. В конце концов решат, что никому – и назначат на пост президента марионетку по имени Рене Шик. Этот бедный Рене Шик, вынужденный подчиняться сразу двум Сомосам, за три года постареет лет на двадцать и превратится в законченного неврастеника. Наконец, в августе 1966 года, когда в Никарагуа распространится панический слух, что на севере страны, в горах, появились партизаны во главе с “самим” Че Геварой и легендарным лидером гватемальских герильерос Турсиосом Лимой, Рене Шик получит от братьев Сомоса два взаимоисключающих приказа. Анастасио, психически не очень здоровый, прикажет президенту Шик “объявить войну Кастро и послать самолеты бомбить Кубу” (он не знает, что у ВВС Никарагуа нет самолетов, способных летать так далеко), а Луис, тоже психически не очень здоровый, прикажет послать те же самолеты бомбить партизанские районы Никарагуа и Гватемалы одновременно (ему не приходит в голову, что гватемальцы могут это воспринять как агрессию и начать в ответ бомбить Никарагуа). Бедный Шик, не зная, как выполнить эти два бредовых приказа и боясь возразить безумным братцам, умрет от разрыва сердца.

Луис и Анастасио опять начнут спорить, кто должен стать президентом. Кончится все печально. Однажды, в январе 1967 года, в пять часов утра в спальне Луиса Сомосы раздастся телефонный звонок. Пьяный в дым Анастасио кричит в трубку:

- Лучо! Быстро одевайся! Сейчас к тебе придет Лилиан!

- Она что, в Манагуа? – удивляется Луис Сомоса (Лилиан постоянно жила в Вашингтоне).

- Конечно!
- А что она тут делает? – пытается спросонья собраться с мыслями Луис.
- Задницу свою спасает!
- От кого?
- Ты что, ничего не знаешь?
- А что случилось?
- В США коммунистический переворот!

Луис Сомоса замертво падает у телефона...

Похоронив брата, Анастасио Сомоса Дебайле становится в марте 1967 года президентом. На нем династия и прекратится.

Династию Сомоса погубит, как последнего ффаера, жадность. Сомосы будут воровать, воровать, присваивать, конфисковывать, грести, грести, грести под себя... В конце концов родственники Сомосы займут все самые прибыльные места. Семейству Сомоса будут принадлежать: весь торговый флот Никарагуа, единственная авиакомпания, крупнейшая газета, почти все поголовье крупного рогатого скота, 10% всех земельных угодий, пакеты акций почти во всех компаниях, действующих в Никарагуа (без этого нельзя было рассчитывать на успешный бизнес в стране) – и так далее, и так далее... Семейство Сомоса владело одной третью всего национального богатства страны! Даже когда в 1954 году Никарагуа получила от США займ на перевооружение, Сомоса Гарсия денежки прикарманил, а оружие купил за счет казны. Незадолго до смерти “президент” Аргуэльо (тот самый, что правил лишь 25 дней) рассказал в Мексике: купило правительство Никарагуа в США 100 тракторов – Сомоса 98 взял лично себе.

В 1972 году в Никарагуа произошло страшное землетрясение. Эпицентр его оказался точно в Манагуа. Практически вся столица была разрушена, десятки тысяч человек погибли, сотни тысяч – остались без крова. Международная помощь пошла в Никарагуа сплошным потоком. Всего товаров, медикаментов, продовольствия, денег поступило в Никарагуа на 85 миллионов долларов. Анастасио Сомоса-младший украл всё!

Товары, продукты и медикаменты, которые должны были раздаваться бесплатно, он **продавал** (в том числе и за границу). Он захватил земельные участки, а затем стал продавать их под застройку по баснословным ценам. Он создал 50 строительных компаний, чтобы доходы от строительства тоже шли ему в карман.

А в это время люди в его стране умирали от голода, от туберкулеза, от брюшного тифа, от дизентерии, от малярии. На каждые 100 человек было 17 больных туберкулезом. Каждый второй ребенок не доживал до 4 лет. На всю страну (2 с лишним миллиона жителей) было лишь 2 тысячи больничных коек. Безработица к концу владычества Сомосы-младшего дошла до 400 тысяч человек – это есть без работы был каждый второй взрослый трудоспособный никарагуанец. Почти никто из тех, кто лишился в 72-м жилья из-за землетрясения, не смог обзавестись новым. Чтобы не умереть с голоду, десятки тысяч никарагуанцев сдавали кровь. Человеческая кровяная плазма в 70-е заняла третье место по стоимости в экспорте Никарагуа – после хлопка и кофе. Совладельцами компании “Пласмафересис”, занимавшейся по всей стране консервированием и экспортом плазмы крови, был Анастасио Сомоса-младший и кубинские контрреволюционеры-эмигранты из Майами. Про Анастасио-младшего еще в 60-е поговаривали, что он равнодушен к человеческой крови. Одна из двух его кличек была “Вампиро” (вторая – “Горилла”). У Анастасио-старшего кличка была “Тачо” (по-испански – “Дефективный”, но в Центральной Америке это – ругательство, означающее примерно “подонок” или “ублюдок”).

5. Сандинистская революция

Все эти Чаморро и Сомосы дорого обошлись Никарагуа. С 1909 и по 1932 год (когда кончилась оккупация) правительственными войсками и янки было уничтожено 170 тысяч человек, с 1933 и по 1956 год (когда Ригоберто Лопес казнил Сомосу-старшего) жертвами правительственного террора стало еще 150 тысяч, с 1956 по 1967 (при Луисе) – 90 тысяч, с 1967 по 1979 (при Сомосе-младшем) – еще 180. Это только жертвы прямых репрессий, не считая умерших от голода, нищеты, болезней...

Чтобы понять, какие это безумные цифры, надо вспомнить, что Никарагуа – страна крошечная, в 1940 году все население составляло 800 тысяч, в 1960-м – полтора миллиона, в 1975-м – 2 миллиона 400 тысяч. К концу владычества семьи Сомоса численность населения страны упала почти на 300 тысяч человек!

Если экстраполировать масштаб расправ на Россию, это выглядело бы так: с 1909 по 1932 год в России правительство должно было бы уничтожить почти 50 миллионов человек; с 1933 по 1956 – еще 25 миллионов; с 1956 по 1967 – 12 с лишним миллионов; с 1967 по 1979 – еще свыше 23 миллионов! Итого: 110 миллионов (а все население России сейчас – меньше 155 миллионов).

Стоит ли после этого удивляться, что сандинисты, несмотря на тяжелые потери, всегда находили достаточное число добровольцев, чтобы сражаться с Сомосой?

Партизанская война в Никарагуа была занятием не для трусов и не для карьеристов. Из 11 человек, основавших Сандинистский фронт национального освобождения (СФНО), до победы революции дожил лишь один – Томас Борхе Мартинес, но и у него “национальные гвардейцы” убили жену и дочь, а сам Томас, раненный, был взят в плен, подвергнут пыткам и приговорен к 30 годам заключения. Все остальные основатели СФНО погибли в 20-летней борьбе. За это время почти полностью сменились три состава руководства СФНО – кто погиб в бою, кто казнен, кто замучен в тюрьме...

В сентябре 1958 года сандинистский генерал Рамон Раудалес начал партизанскую борьбу на Севере, близ границы с Гондурасом. 6 октября ему удается разгромить силы “национальной гвардии” близ Халапы, но 18 октября генерал гибнет в бою в местечке Яули, близ города Эль-Хикаро. Его бойцы уходят в подполье или переходят через границу. Там, за границей, при личном участии Че Гевары готовится в 1959 году – году победы Кубинской революции – возобновление герильи. Сомоса тем временем, испуганный победой Кастро и началом партизанской войны, ежедневно десятками арестовывает “подозрительных”. Молодежь бежит в Коста-Рику и Гондурас – и приходит к будущим партизанам. В подполье и в эмиграции Карлос Фонсека и Сильвио Майорга создают организацию Демократическая молодежь Никарагуа – предшественника СФНО. Карлоса арестовывают, пытаются и, не добившись ничего, высылают 12 мая в Гватемалу. 30 мая диктатура вводит осадное положение по всей стране.

В июне Фонсека возвращается в Никарагуа – во главе партизанской колонны “Ригоберто Лопес Перес”. Задача колонны – поддержать на Севере борьбу партизанского отряда Мануэля Диаса-и-Сотело. Но 24 июня в местечке Чапарраль на границе с Гондурасом колонна “Ригоберто Лопес Перес” подвергается нападению сразу и “национальной гвардии” Сомосы, и гондурасской армии. Действия обеих сил координируются американскими советниками из посольства США в Тегусигальпе, столице Гондураса. В этом бою, помимо никарагуанцев, погибли два кубинских добровольца – Марсело Фернандес и Онелио Эрнандес. Карлос Фонсека будет тяжело ранен и останется жив чудом: “гвардейцы” примут его за мертвого.

Неудачи продолжаются: в июле гибнут командиры партизанских отрядов в департаменте Рио-Сан-Хуан Виктор Ривас Гомес и Наполеон Убийля. В

знак протеста против расправ над пленными партизанами 23 июля выходят на улицы студенты Леона. “Национальная гвардия” расстреливает демонстрацию. 4 студента убито, свыше 100 ранено.

В августе попадает в плен и Мануэль Диас. Его долго пытаются, но он никого не выдает. Тогда его казнят.

К концу года партизанские действия ведутся уже в четырех районах на Севере и на Юге. Герилью на Севере возглавляют Хулио Алонсо и кубинец Хосе Антонио Молеон. Они чувствуют себя уверенно. На Юге дела хуже: там властями захвачены в плен местные командиры герильи.

Тем временем Фонсека, подлечившись, привозит в Гавану из Венесуэлы большую группу никарагуанцев-политэмигрантов. Начинается серьезная подготовка к герилье. У Фонсеки – новые друзья: Че Гевара и Тамара Бунке (легендарная партизанка Таня, погибшая в Боливии). Они активно помогают сандинистам.

Кубинское руководство считало своим долгом помогать всем левым партизанским движениям в Латинской Америке. Разница была лишь в том, что одним можно было помогать более открыто и масштабно – при советской поддержке, а другим – менее (чтобы не раздражать СССР). Критерий был такой: поддерживает местная компартия герилью или нет. В Никарагуа, как назло, компартия – Никарагуанская социалистическая партия – герилью не поддерживала. Чем эта партия занималась, вообще не очень было понятно. Конечно, она действовала в глубоком подполье – не очень развернешься. Конечно, вела пропаганду. Но отношение у сандинистов к НСП было более чем скептическое: в 1964 году сандинисты уличили тогдашнего 1-го секретаря ЦК НСП в том, что он не читал “Манифест Коммунистической партии” Маркса и Энгельса!

После победы Сандинистской революции НСП распадется на три компартии. Одна из них поддержит сандинистов, две другие уйдут в оппозицию.

В 1960-м в Никарагуа уже действуют два партизанских фронта: Революционный фронт “Сандино” и “Фронт Вентана”. Но мир еще практически ничего не знает о партизанской борьбе в Никарагуа. Тогда партизаны пытаются обратить на себя внимание международной общественности – захватить город Ороси на южной границе Никарагуа. Бои идут с 2 по 23 февраля. Партизаны отступают и сдаются властям Коста-Рики. Сальвадор предоставляет им политическое убежище.

25 марта сандинисты, наконец, захватывают целый город – Сан-Рафаэль-дель-Норте – и удерживают его 4 часа.

В мае – впервые за долгие годы – происходят массовые выступления против Сомосы в Манагуа. В июле студенты захватывают университет Леона, в сентябре происходит всеобщая забастовка в Национальном университете в столице. 5 сентября тысячи человек выходят в Манагуа на похороны Аякса Дельгадо – одного из лидеров Патриотической молодежи, убитого в тюрьме “Ла Авиасьон”.

К концу года становится совсем жарко. В ноябре партизаны во главе с полковником Эриберто Рейесом, бывшим заместителем Сандино, нарушают телефонную и телеграфную связь с городом Окоталь и совершают рейды по всему департаменту Новая Сеговия. А 11 ноября начинаются вооруженные восстания в городах Хинотега и Дирьямба. В стране вновь вводится осадное положение.

1961 год считается годом формального основания СФНО. Его основателями и первыми членами стали Сантос Лопес (умер от ран в 1965-м), Сильвио Майорга (погиб в бою в Панкасане в 1967-м), Хорхе Наварро (погиб в бою на реке Бокай в 1963-м), Хосе Бенито Эскобар (погиб в бою в Эстели в 1978-м), Франсиско Буитраго (погиб в бою на реке Коко в 1963-м), Ригоберто Крус (погиб в бою в Панкасане в 1967-м), Фаустино Руис (погиб в бою на реке Коко в 1963-м), Херман Помарес Ордоньес (умер от ран, полученных при отступлении от Хинотеги в 1979-м, меньше чем за два месяца до победы) и Томас Борхе – единственный, доживший до победы (в первом сандинистском правительстве он станет министром внутренних дел). Идеологом и признанным вождем СФНО был Карлос Фонсека Амадор (погиб в бою в Синике в 1976-м).

Карлос Фонсека выглядел как типичный “профессор кислых щей” – никто бы не подумал, что это партизан: худенький, с острым подбородком и большим лбом, с неровно растущими усами и бородой, с криво сидящими очками в роговой оправе, с большими диоптриями... Однако этот человек обладал безумной храбростью и огромным интеллектом. Он разработал идеологию Сандинистской революции и тактику боевых действий. Как и остальные лидеры сандинистов, он не отсиживался за границей, посылая в бой рядовых, а сам сражался за свои идеи с оружием в руках, 20 лет год за годом рискуя жизнью.

После первого ареста и пыток в 56-м он будет еще раз арестован в 1957-м, в 1959-м – тяжело ранен в грудь в Чапаррале, где останется жив только благодаря своей выдержке: когда “гвардеец” несколько раз ткнет его штыком, чтобы убедиться, что Фонсека мертв, Карлос не издаст ни звука. В 1962-м он руководит партизанскими действиями в районе реки Коко. В 64-м его арестовывают в Манагуа. После полугодового заключения и жестоких пыток Фонсеку высылают в Гватемалу. Он возвращается. В

1965-м его вновь арестовывают и вновь высылают в Гватемалу. В августе 1967-го Фонсека возглавляет отряды в горах. В 1969-м его арестовывают в Коста-Рике. В октябре 70-го он будет (вместе с Умберто Ортегой, Руфо Марином и другими сандинистами, содержащимися в тюрьмах Коста-Рики) обменен на коста-риканских заложников, захваченных бойцами СФНО.

В 1975-м Фонсека возглавляет подполье в столице страны – Манагуа, а в 1976-м уходит в горы, чтобы руководить боевыми действиями в департаменте Селайя. 7 ноября он погибнет в бою. В 1977 году Северный фронт партизан будет назван его именем.

В промежутках между боями и тюрьмами Фонсека успевает написать кучу книг и важнейших для сандинизма больших теоретических статей: “Идеи Сандино”, “Краткий анализ партизанской борьбы в Никарагуа против диктатуры Сомосы”, “Секретная хроника: Аугусто Сесар Сандино перед лицом своих палачей”, “Кто такой сандинист?”, “Сандино – партизан-пролетарий”, “Заметки о положении в партизанском движении”, “Из тюрьмы я обвиняю диктатуру”, “Послание СФНО революционным студентам”, “Никарагуа, час ноль”, “Да здравствует Сандино!”, “Новое о Дарио и Горьком”, “Обзор интервенции США в Никарагуа”, “Синтез некоторых актуальных проблем” – и много других. Работоспособность у этого человека была поразительная.

С 1962 года партизанское движение в Никарагуа развивается строго централизованно и планомерно – как герилья СФНО. Власти не могут справиться с партизанами ни на реке Бихао, ни на реке Коко. В 63-м СФНО впервые осуществляет акт “вооруженной пропаганды”: отряд под руководством Хорхе Наварро берет штурмом радиостанцию “Мундиаль” в Манагуа. Наварро зачитывает в эфир заявление СФНО.

Сандинисты проводят первые операции по самофинансированию – захватывают отделение правительственного банка (трофеи – 35 тысяч кордоб) и отделение североамериканского банка “Америка” в Манагуа. Братья Сомоса бросают на поиски партизан даже авиацию. Безуспешно. На экспроприированные деньги закупается оружие, средства связи, типографское оборудование. Руководители экс-банка “Америка” – Даниэль Ортега, Селим Шибле, Эдуардо Перес, Карлос Диас – будут позже схвачены в Гватемале и после долгих пыток выданы братьям Сомоса. Об этом торжественно объявят по национальному радио. Но окажется, что в глазах студентов сандинисты – не бандиты, а герои. Тысячи студентов выйдут на улицы Манагуа, требуя освобождения арестованных.

В 1966-м сандинисты уже могут похвастаться тем, что не только им помогают товарищи из-за рубежа, но и они возвращают долги: отряды партизан-сандинистов под командованием Оскара Турсиоса, Хорхе Герреро и Эдмундо Переса сражаются в Гватемале в партизанской армии Луиса Турсиоса Лимы.

В 1967-м сандинисты превращаются в лидеров студенческого движения. Диктатура сама помогает им в этом: 22 января “национальная гвардия” расстреливает в Манагуа из пулеметов антиправительственную демонстрацию, убив свыше 400 человек.

В ответ сандинисты распространяют герилью на город. 23 октября отряд СФНО во главе с Даниэлем Ортегой казнит одного из руководителей “национальной гвардии” – известного палача Гонсало Лакайо.

В 1969-м СФНО впервые демонстрирует свою силу соседним режимам, помогающим Сомосе. Сандинисты организуют побег из Центральной тюрьмы Коста-Рики Даниэля Ортеги и Хермана Помареса – накануне их выдачи Сомосе. Особенно удивляет коста-риканскую полицию побег Помареса, который при аресте был тяжело ранен.

Чтобы освободить других сандинистов, арестованных в Коста-Рике, бойцы СФНО устраивают в этой стране маленькую партизанскую войну. Когда в 70-м власти Коста-Рики оказываются вынуждены обменять арестованных сандинистов на своих пленных, на улицах Манагуа и Эстели начинается ликование.

В 1970-м “национальная гвардия” переходит к тактике превентивных репрессий. В партизанских районах гвардейцы разрушают дома, жгут посевы, режут скот, грабят и расстреливают крестьян, насилюют их жен и дочерей. Отчаявшиеся крестьяне в мае 1971 года организуют марш на Манагуа. По всей стране в знак солидарности с сандинистами происходят захваты церквей. Сомоса бросает против партизан авиацию.

27 декабря 1974 года начинается новый этап герильи. В Манагуа отряд сандинистов “Хуан Хосе Кесада” захватывает поместье бывшего министра сельского хозяйства, миллионера Хосе Марии Кастильо Кванта с собравшимися на прием в честь посла США гостями из “высшего света”. При захвате поместья Квант убит. Партизаны требуют освобождения всех политзаключенных в стране, повышения минимальной зарплаты трудящимся, выдачи 5 миллионов долларов и обнародования в печати, по радио и по телевидению двух заявлений СФНО. Сандинисты попадают на первые полосы всех газет и в заголовки теленовостей. Журналисты во всем мире оказываются вынуждены рассказывать своей аудитории, кто такой Сандино и что в Никарагуа –

диктатура и идет партизанская война. Сомоса вводит в стране военное и осадное положение, проводит массовые аресты и грозит взять поместье Кастильо штурмом. Но среди заложников, захваченных сандинистами – миллионеры, министры, иностранные дипломаты, родственники самого Сомосы. Диктатор сдается. Из тюрем выпускают политзаключенных. Привозят деньги. Сандинисты с триумфом вылетают из Никарагуа за границу. По дороге в аэропорт их приветствуют тысячи восторженных людей. Сомоса унижен и обозлен. Американцы взбешены.

В 1975-м сандинисты вводят в практику периодические захваты небольших городов и показательные казни руководителей “национальной гвардии”, полиции и сомосовских судей на местах. На горном хребте Халала сандинисты открывают четвертый партизанский фронт. В ответ США посылают в Никарагуа десятки военных советников. Сандинисты среди убитых врагов обнаруживают также офицеров из Колумбии, Бразилии и даже офицеров сайгонской армии.

Следующий год окажется тяжелым для революционеров. Гибнет Карлос Фонсека, проваливается подпольная сеть в Манагуа, Томас Борхе будет арестован и подвергнут зверским пыткам, СФНО разделится на три тенденции, каждая из которых будет настаивать на правильности своей тактики. В Никарагуа вводятся отряды КОНДЕКА – созданного по требованию США объединенного корпуса вооруженных сил стран Центральной Америки. По всей стране “военные трибуналы” выносят по ускоренной процедуре смертные приговоры. Сжигаются целые деревни.

Но тот же год становится годом важных побед партизан на “культурном фронте”. Группа “Праксис” мобилизует на поддержку сандинистов молодую интеллигенцию. В университетах и школах оплевывают и забрасывают камнями модных буржуазных писателей, журналистов, актрис, модельеров. Смотреть “мыльные оперы” становится “неприлично”. “Шлюха! Шлюха! Пососи у Сомосы!” – кричит в аэропорту Манагуа толпа молодежи ошеломленной “Мисс Никарагуа”, занявшей призовое место на конкурсе “Мисс Вселенная”. “Мисс Никарагуа”, безмозглая смазливая дурочка из богатого семейства, со слезами на глазах говорит прямо в телекамеру: “Они все с ума сошли. Сомоса – старый, толстый, волосатый и некрасивый! Я ни за что в жизни не стану заниматься с ним оральным сексом!” Происходит скандал, озверевший Сомоса распорядается отправить “Мисс Никарагуа” в тюрьму. В результате еще одно богатое семейство Никарагуа переходит в оппозицию к диктатуре.

На острове Солентинаме на озере Никарагуа священник Эрнесто Карденаль, поэт с мировой славой, создал для крестьян поселок-коммуна,

где бедняки учились грамоте и зарабатывали на жизнь народными промыслами и писанием примитивных картин. Продукция общины пользовалась большим спросом в Европе и США. Никто не догадывался, что крестьяне отдают деньги на революцию, а падре Эрнесто – подпольщик, член СФНО. Когда сомосовцы узнали об этом, они разрушили коммуны, сожгли библиотеку, уничтожили оборудованный на острове Музей народного творчества. Всем крестьянам архипелага запретили рисовать, а тех, у кого нашли хоть какую-то картинку, – посадили. Карденаль ушел к партизанам.

В это время Голливуд предложил Габриэлю Гарсия Маркесу 5 миллионов долларов за экранизацию “Ста лет одиночества”. Тот отказался, объяснив это так: “Я бы продал право на экранизацию – если бы эти деньги можно было отдать на революцию в Латинской Америке. Но я не вижу такой революции”. Спустя несколько дней Маркесу позвонили. Говорил из Парижа Эрнесто Карденаль: “Габриэль, продавай права. Есть такая революция”. Так 5 миллионов долларов пошли на оружие сандинистам.

Сомоса ужесточает цензуру, ему – точь-в-точь как его папаше – начинает всюду мерещиться “коммунизм”. Из библиотек изымают и сжигают книги. Достоевского сжигают за то, что он – русский, Маркеса – за то, что он пособник сандинистов, “Восстание масс” Ортеги-и-Гассета – за название. Фильмы с участием знаменитых комиков братьев Маркс на киноведческом отделении Школы искусств были изъяты и уничтожены из-за одной только этой фамилии. Иностранцы замечают, что англоязычные песни стало можно услышать лишь в международных гостиницах – и исключительно Фрэнка Синатру, Элвиса Пресли и “Бич Бойз”. Оказалось, Сомоса лично утвердил список из 284 групп и солистов, которые в Никарагуа запрещены за “пропаганду коммунизма”. Среди “коммунистов” не только Боб Дилан и Джоан Баэз, но и “Битлз”, “Роллинг Стоунз”, “Пинк Флойд”, “Кинг Кримзон”, “Дорз”, Джими Хендрикс, Дженис Джоплин, “Джефферсон Эйрплейн” и даже (сядьте, кто стоит!) “Бони М”...

В 1977 году СФНО разворачивает “стратегическое наступление”. Сандинисты переходят к целенаправленным нападениям на казармы “национальной гвардии” в крупных городах. Правительство начинает терять контроль над ситуацией. Партизаны громят поместья семьи Сомоса, крестьяне захватывают землю. В январе происходят восстания в Леоне и Матагальпе, партизаны захватывают крупные города Гранадун и Ривас. Весь февраль идут баррикадные бои в Леоне. Вспыхивают восстания в городах Монимбо и Масая, но “национальная гвардия” оказывается в силах подавить их. Однако инициатива уже в руках

партизан. В марте они приводят в исполнение приговор начальнику Генерального штаба “национальной гвардии” Рейнальдо Пересу, а в августе штурмуют президентский дворец и захватывают в нем кучу высокопоставленных сомосовцев. Повторяется триумф декабря 74-го. Сандинисты вновь добиваются освобождения всех политзаключенных, выкупа в несколько миллионов долларов, публикации манифеста СФНО и беспрепятственного выезда из страны.

С этого момента режим Сомосы покатился под откос. Восстания в городах следуют одно за другим. Сомоса бомбит мятежные города с воздуха. Международная комиссия по правам человека признает Сомосу ответственным за геноцид в Никарагуа. Коста-Рика разрывает дипломатические отношения с диктатором. Партизаны создают на Южном фронте “Бенхамин Селедон” собственную радиостанцию – радио “Сандино”.

В 1979-м вся страна становится ареной боев. В январе партизаны берут штурмом Эстели, в марте бои начались в самой столице. Сандинисты начали генеральное наступление. Восстают Чинандега, Леон, Масая, Матагальпа... Сомоса вновь бомбит восставшие города, но это не помогает.

16 июня сандинисты формируют революционное правительство – Правительственную хунту национальной реконструкции. Уже 18-го Панама разрывает дипломатические отношения с режимом Сомосы и признает Правительственную хунту. 28-го новое правительство признает Ливия, 29-го – Вьетнам...

17 июля Сомоса бежит из страны, но “национальная гвардия” сопротивляется еще два дня. 19 июля Сандинистская революция побеждает. Целую неделю в Никарагуа длится всеобщее ликование.

Анастасио Сомоса Дебайле, выдачи которого – как организатора геноцида – потребует новая власть, укроется в Парагвае, у фашистского диктатора Стресснера. У Стресснера в стране нет никакой оппозиции (какая была – в тюрьме или на том свете), режим отработал систему контроля и репрессий до мелочей. Но даже и в Парагвае Сомоса живет инкогнито, ездит по столице – Асунсьону – только в бронированной машине с затененными стеклами и под усиленной охраной.

Для кого-то это, может быть, и препятствие, но не для сандинистов. Сомоса лишь на год переживет свой режим. Выстрел из базуки снесет крышу его бронированного лимузина на перекрестке в центре Асунсьона. Неизвестно откуда взявшиеся и неизвестно куда исчезнувшие затем

партизаны расстреляют диктатора и его охрану. Чрезвычайные меры, предпринятые Стресснером для поимки герильерос, результатов не дадут. Сандинисты не бросают слов на ветер. Революционный трибунал приговорил диктатора к смерти – приговор приведен в исполнение.

12–22 мая 1998